

С. А. Шавель

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИУМА

Сергей Шавель

Перспективы развития социума

«Издательский дом “Белорусская наука”»

2015

УДК 316.42
ББК 60.5

Шавель С. А.

Перспективы развития социума / С. А. Шавель — «Издательский дом “Белорусская наука”», 2015

ISBN 978-985-08-1894-2

Изложены методологические аспекты социологического перспективизма, раскрыты эвристические функции категорий «воображение», «детерминизм», «постэкономическое общество». Анализируются социологические перспективы личностного роста, социальной сферы и непосредственного жизнеобеспечения, развития союзного государства Беларуси и России. Раскрыто содержание общественного мнения как обратной связи, стабилизирующей социум. Прослеживается логика дерзания риска в контексте перспектив инновационной деятельности. Предназначена для научных работников и преподавателей вузов, аспирантов и студентов. Будет интересна широким кругам общественности, интересующейся проблемами перспектив развития белорусского социума.

УДК 316.42
ББК 60.5

ISBN 978-985-08-1894-2

© Шавель С. А., 2015
© Издательский дом “Белорусская наука”, 2015

Содержание

К читателю	6
Предисловие	8
Введение	10
Глава 1	13
1.1. Социологическое воображение как инструмент познания и творчества	13
1. Постановка проблемы	13
2. Гносеолого-креативная функция воображения	16
3. Способность воображения в «Антропологии» И. Канта	17
4. Идеальный тип как плод воображения (по М. Веберу)	27
5. Социологическая интерпретация воображения	31
1.2. Опровержение социального «слева» и «справа»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Александрович Шавель

Перспективы развития социума

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ

Институт социологии

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор С. П. Винокурова,
доктор философских наук, доцент Р. А. Смирнова

Издание подготовлено при содействии Аналитического центра ЕсооМ

К читателю

«Душа обязана трудиться...»

У Сергея Александровича Шавеля – классический путь академического ученого. После окончания философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова работа в Белорусском государственном университете и Национальной академии наук... – везде научным сотрудником. За плечами десятки крупных исследовательских проектов, монографии, статьи в ведущих научных изданиях, колоссальный исследовательский опыт, защита двух диссертаций, высшая научная квалификация – доктор социологических наук, профессор.

В отечественной истории ученый – одна из самых престижных профессий. И хотя в последние десятилетия ее сдвинули с пьедестала новомодные профессии, ведущие к быстрому обогащению, всегда будут люди, природная любознательность которых станет исходным мотивом их научных устремлений. И это, по жизни, неискоренимо... Таких людей много не бывает, и приказом им призвание не заменишь. Сергей Александрович как-то назвал этот феномен «загадочным и сверхценным явлением». В призвании, с его точки зрения, слиты «служение и предназначение, образ жизни и смысл бытия, ответственность и свобода, рутина и вдохновение, интеллект и воля, труд и ограничение». Это все о нем самом: упорный труд, методическая дисциплина ума, готовность к строжайшей специализации, к рутинной работе и риску, страсть и вдохновение, знания и убеждения, воображение. С. А. Шавеля трудно представить без «странного упоения» своей проблемой, непонятого постороннему; без убежденности в том, что мир ждал тысячелетие, чтобы появился он для ее решения (точно по М. Веберу).

Становление С. А. Шавеля как ученого проходило нестандартно. Сказывались тяготы военного лихолетья, гибель отца, многих родных и близких, рабский труд мамы, вывезенной фашистами с малолетним сыном в Германию, постоянная нужда на грани голода уже после возвращения на родную белорусскую землю, разоренную оккупантами. Но все эти трудности не помешали Сергею реализовать свою юношескую мечту – стать летчиком. Он успешно закончил Выборгское авиационное училище и сразу же по реформе Хрущева 1961 года был... уволен из армии по сокращению. Шаг к выбору философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова если и казался тогда случайным, со временем все больше выявлял свою закономерность – в признании профессии ученого за трудолюбивым и настойчивым белорусским юношей. Он учился и работал одновременно, десять раз участвовал в строительных отрядах МГУ, студенческих и аспирантских, объехал многие «труднедостаточные» районы России. И не только за «романтикой и запахом тайги», как пелось в популярной песне тех лет, нужно было зарабатывать и как-то в жизни обустраиваться. Кандидатскую и докторскую написал без каких-либо отпусков, не отрываясь от многогранной и сложной научной жизни, совмещал научную и преподавательскую деятельность, много работал по хозяйственной тематике и постоянно совершенствовался – читал, искал каждую новую публикацию о социологии, стремился самостоятельно экспериментировать и учиться на опыте коллег. Поэтому сегодня написанное С. А. Шавелем отвечает самым высоким образцам качества, отличается новизной и оригинальностью. Он никогда не боится браться за самые трудные и, казалось бы, неподъемные темы, и обязательно находит решения.

Иногда задумываешься: «Что собственно движет человеком, неужели довольствоваться малым – вечный крест по-настоящему талантливого человека?» Хотя что понимать под «малым»? Разве могут быть малыми – личный успех в избранной области знания, признание их научной общественностью, высокий неформальный авторитет? Даже когда было действительно трудно и стране уже было не до науки, С. А. Шавель не бросил свое дело, а начал

усиленно, как и подобает настоящему ученому, искать пути развития своей науки... Он не отчаялся, не сдался, не признал поражение... Собственно, опираясь на таких подвижников, и удалось сохранить и даже приумножить наработки предыдущих поколений, и главное – сохранить научные связи, лучшие традиции, ценности, этику.

На мой взгляд, в основе любого выбора – нравственное начало человека. Высоконравственное понимание жизни формируется средой обитания, практикой, поступками окружающих его людей, и еще готовностью твоей души к сопереживанию. «Душа обязана трудиться...» – вот, по-моему, ключевые слова в понимании сути этого действительно большого ученого и человека. Цельность натуры и трудолюбие просто поразительные... К науке он относится как к высшему божеству – трепетно.

Сегодня на суд читателей Сергей Александрович выносит свою новую монографию, итог последних пяти лет активной работы в науке. Ученого всегда прельщает неизвестность, он стремится опередить время и заглянуть в будущее развитие социума. Как социолог, он пытается раскрыть методологические аспекты социологического изучения социума, обращается к анализу социальных ожиданий, ценностей, потребностей, мотивов деятельности человека. Представляется интересным исследование восприятия людьми мирового экономического кризиса и оценки стратегических подходов к преодолению его последствий. Автор обращается к концептуализации понятия «социальная сфера», обосновывает сферный подход в социологической теории, раскрывает императивы его развития, анализирует перспективы Союзного государства Беларуси и России, динамику общественного мнения о развитии в Беларуси ядерной энергетики.

Многие идеи, лежащие в основе монографии, прошли апробацию в научно-теоретическом журнале «Социология» и в книге представлены в виде теоретического обоснования и анализа практики укоренения белорусской государственности. Книга раскрывает трудности и повседневные заботы обретения веры белорусским народом в свои собственные силы и понимание, что дорогу осилит идущий. В заключительной главе приведено интервью автора «Знать общество, в котором мы живем...» и очень точные портретные зарисовки современников, своих коллег и учителей.

Сергей Александрович и сегодня – весь в заботах, увлечен новыми идеями, как всегда поглощен работой. Вокруг него много молодежи... они учатся быть как их Учитель... – ни в чем себя не жалеть, настойчиво преодолевая трудный путь к истине. Его уважают за мудрость и глубокие знания, он, как и в юности, интересен своей увлеченностью и верой во всемогущество науки. О нем, как в свое время о О. Бальзаке, можно сказать: «его жизнь больше наполнена трудами, чем днями». И свидетельством тому его очередная книга, открывающая новую страницу в социологии, продвигающая нас к таинству расколдовать мир, в котором мы живем, сделать его справедливее и добрее для всех, в нем живущих...

*Александр Данилов,
член-корреспондент НАН Беларуси*

Предисловие

Обращение человека – в его чувствах и мыслях, планах и мечтах – к перспективе любого исполняемого дела, развития тех или иных систем является, с одной стороны, вполне естественным, а с другой – трансцендентным. Естественность данного процесса объясняется присущей человеку способностью к антиципации, т. е. предвосхищению результатов начатого действия, возможного хода событий. Трансцендентность – это выход за пределы, стремление рефлексивно оценить сложившуюся ситуацию, познать вероятностные тенденции ее движения при изменении тех или иных условий. О том, что люди издавна задумывались о своих перспективах, свидетельствует древнее вопрошание «Quo vadis?» – куда идешь? или старославянское «Камо грядеши?» – каково грядущее?

Термин «перспектива» имеет много значений и по-разному используется в начертательной геометрии, проектировании, живописи. Например, анаморфоз – это особая перспектива, при которой искаженная фигура выглядит правильной. Об этом и слова С. Есенина из «Письмо к женщине»: «Лицом к лицу лица не увидать. // Большое видится на расстоянье». Но в индивидуальной и общественной жизни под перспективой понимается взгляд в будущее, выход за горизонт статус-кво – сложившегося положения, выбор определенного варианта, реализуя который, можно «заставить будущее свершиться». Оправдывая одну из альтернатив утопизма как возможного осуществления идеала, А. Веллмер писал: «Ни человеческая жизнь, ни человеческая страсть, ни человеческая любовь, по-видимому, невозможны без утопического горизонта»¹. Автор называет этот горизонт утопическим без какой-либо иронии, потому что это не реальная видимая линия, образно говоря, соединения неба и земли, а линия, сконструированная творческим воображением субъектов, значит, она может быть своя у каждого. Но вместе с тем по законам кумуляции ожиданий и установки на сохранение целостности системы она очерчивает и границы коллективной свободы и, следовательно, по словам автора: «обозначает нормативный горизонт для конкретных утопий, так как определяет неперемнное условие того, что можно назвать добропорядочной жизнью в условиях современности»².

Рассматривая историческое понимание человеческой природы, Р. Смит отметил, что такой подход «указывает не только на преходящий характер человеческого познания и присущий ему перспективизм, но также и на его неисчерпаемые возможности»³. Действительно, человеческое познание преходяще – не в том смысле, что оно исчезает и появляется, а потому, что многие знания отходят на задний план, «архивируются», по М. Фуко, их место занимают новые, более актуальные и современные. Но человеку присущ перспективизм, на основе антиципации и других способностей, а также неисчерпаемые возможности, в том числе и сила абстракции (творческого воображения), которая при изучении общества, по словам Маркса, должна заменить естественнонаучные инструменты – микроскоп, химические реактивы и др.⁴

В нашу задачу не входит инструментальная разработка тех или иных конкретных перспектив развития социума в футурологических или прогностических проектах. Мы ограничиваемся размышлениями о методологических аспектах возможного «взгляда в будущее» с социологической точки зрения. Как известно, люди сами творят свою историю и, следовательно, для представления о возможных вариантах движения необходимо обратиться к анализу социальных ожиданий и ценностей, потребностей и интересов, мотивов и стимулов деятельности людей, что и представляет предметное поле социологической науки.

¹ Веллмер А. Модели свободы в современном мире // Социо-Логос. Общество и сферы смысла. Вып. 1. М., 1991. С. 37.

² Веллмер А. Модели свободы в современном мире. С. 37.

³ Смит Р. Быть человеком: историческое знание и сотворение человеческой природы. М., 2014. С. 327.

⁴ См.: Маркс К. Капитал: в 3 т. Т. 1. М., 1957. С. 4.

Выражаю глубокую благодарность члену-корреспонденту НАН Беларуси А. Н. Данилову, который в очередной раз подвиг меня на подготовку работы и очень доброжелательно мотивировал к ней. Признателен также членам Ученого совета Института социологии НАН Беларуси, коллегам, сотрудникам отдела, особенно Д. В. Назаровой, Е. В. Мартищенко, А. Г. Баханову, Г. А. Бабуляк.

Введение

После обретения суверенитета, т. е. независимости и самостоятельности, перед Беларусью, как и другими постсоветскими странами, остро встал вопрос о перспективах дальнейшего движения. Возврат к прошлому был невозможен уже хотя бы потому, что разрушились все связи – политические, экономические, культурные – между бывшими республиками, резко ограничили возможности человеческих контактов, общения людей и т. д. К тому же многие прежние механизмы были неприемлемы из-за их низкой эффективности и несправедливости (однопартийность, этатизм, тенденции к уравнилительности и многое другое). Но в том, чтобы сохранялись положительные достижения, особенно в экономике, разделении труда и специализации, образовании, культуре, общении и др., большинство населения было согласно.

В качестве альтернативного варианта широко пропагандировалась либеральная модель. Ее предлагали многие международные организации, такие как Всемирный банк, Международный валютный фонд, частные фонды и компании (Сорос и проч.), активно поддерживала так называемая «демократическая оппозиция» в России, Беларуси и других странах. Фундаментальным принципом данной модели является лозунг «laissez faire», понимаемый как невмешательство государства в предпринимательскую деятельность собственников и их частную жизнь, откуда следуют декларации прав и свобод, защиты частной собственности, рыночного обмена и др. В более или менее «чистом» виде либеральная модель существует сегодня только в США, и, кстати, подвергается многосторонней критике, в том числе и внутренней, по ряду позиций. Тем не менее некоторые наши экономисты, не обращая внимания на критику, вновь и вновь прокламируют ее как идеальный проект. Известные белорусские авторы, отвергая возможность возврата к прошлому, пишут: «Есть и другой путь. Есть возможность получить визу в стабильную, благополучную модель... Когда люди увидят, что частная собственность, свободная торговля и предпринимательство дают лучшую систему социальной защиты, лучшую систему безопасности и больше семейной стабильности, они не согласятся на роль статистов в своей родной стране»⁵.

К сожалению, авторы – ни в этой, ни в других своих работах – не анализируют причины отказа Беларуси от либеральной перспективы, несмотря на определенные и соблазнительные обещания. Заметим, что среди некоторых аналитиков и отдельных политических деятелей и в то время, и сегодня расхожим является мнение, что причины отказа коренятся в политических и идеологических основаниях, т. е. прокоммунистических ориентациях руководителей страны и аналогичных стереотипах массового сознания населения.

Но проводя объективный анализ, можно убедиться, что даже если такие настроения имели место, не они решали выбор; главным стал вполне рациональный прагматический подход. Скажем, переход на либеральную модель требовал в экономике полной («обвальной») приватизации госпредприятий и всего имущества. Это сопровождалось бы отнюдь не модернизацией, а просто закрытием как неконкурентноспособных на западных рынках многих предприятий. Так ведь и случилось в Латвии с заводами РАФ и ВЭФ, в Греции – с судоверфями и томатными плантациями – голландские парниковые помидоры дешевле, и во всех «новых» странах Евросоюза. В связи с этим естественно было предвидеть всплеск массовой безработицы и рост социальной напряженности.

В социальной сфере необходимо было, по рекомендациям либеральных консультантов, осуществить «шоковую терапию», которая требовала ускоренного перехода на рыночные, т. е. «платные» формы предоставления медицинских, коммунальных, образовательных, транспортных и других услуг; немедленной ликвидации субсидирования и дотаций в социальной сфере;

⁵ Зайко Л., Романчук Я. Беларусь. Транзитная зона. Книга для парламента. Минск, 2009. С. 9.

введения медицинского страхования, повышения пенсионного возраста и перехода в пенсионной системе от принципа «солидарности поколений» к накопительным схемам и т. д. Следует также учесть тяжелый груз ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы. То, что она нарушила нормальный ход жизни, развитие производства, вывела из сельскохозяйственного оборота почти треть территории страны, уже потребовало и все еще требует и сегодня огромных финансовых затрат – известно всем. Но, к сожалению, об этом забывают те критики белорусского пути, которые утверждают, что никакой специфики в ходе реформирования нет и быть не может, – дескать, все постсоветские и даже постсоциалистические страны должны принять единый сценарий. Однако нетрудно смоделировать ход процессов, если бы страна пошла по пути обвальная приватизации и шоковой терапии – с безработицей в 20–30 %, как в некоторых соседних государствах, с ликвидацией бесплатной медицины и образования, с полной оплатой жилищно-коммунальных расходов, электроэнергии, транспортных услуг и т. д.

Надо признать, что и теоретически тезис о всеобщности, универсальности либерального проекта преобразований весьма сомнителен. Конечно, человечество в своем историческом развитии постоянно ищет и находит не только новые, более производительные технологии производства, но и лучшие, более эффективные способы организации общественной жизни и государственного устройства. Однако последние отличаются от первых как раз тем, что возможности их ассимиляции зависят от историко-культурного контекста, менталитета народа и социально-экономических условий. Не случайно еще Гегель подчеркивал: «Нелепостью было бы навязывать народу учреждения, к которым он не пришел в собственном развитии»⁶.

Термины «социум» и «общество» в научной литературе используется чаще всего как идеально-типичные понятия-близнецы. Такое употребление можно признать оправданным в тех случаях, когда ради стилистической корректности избегают *Unum et idem* – одного и того же, т. е. повторения, тавтологии, не вдаваясь в экспликацию содержания терминов, ясных по контексту. Так, лауреат Нобелевской премии по экономике Ф. Хайек, затратил много сил и времени на опровержение центрального блока сложных социологических понятий за то, что при их образовании слова «общество» и «социальное» употребляются в качестве предикатов, т. е. логических сказуемых, например, справедливость (какая?) социальная, мнение (какое?) общественное и т. д. – всего, по его подсчетам, – более 160 терминов. Хайек признавался: «Принимаясь за работу над книгой, я дал себе зарок никогда не употреблять слов «общество» (*society*) или «социальный» (*social*)»⁷. Всем понятно, что изменения в понятийном аппарате возможны, но необходимо вместо изымаемых терминов ввести и обосновать новые, чего автор и не пытался сделать. Поэтому его инвектива не произвела никакого впечатления на научную общественность, кроме возможного удивления его «терминологическим фанатизмом».

При системном подходе близкие понятия «общество» и «социум» тем не менее могут быть разведены. Общество понимается как определенная целостность (например, страна-государство), включающая прежде всего территорию и все, что создано на ней людьми – от промышленных предприятий, инфраструктурных объектов, логистики до жилищного фонда, средств коммуникации, образования, культуры и проч. Это и есть тот материально-технический комплекс, который обеспечивает жизнедеятельность людей, населяющих данную территорию. Социум же обозначает состав населения, дифференцированного по полу, возрасту, национальностям, конфессиям, образованию, профессиональной принадлежности и всем другим возможным основаниям группировок. Поэтому, говоря о перспективах социума, мы имеем в виду не овеществленные результаты их деятельности, а именно самих людей, их групп, сообществ и т. д. Термин «социум» шире демографического понятия «население», поскольку последнее отражает только половозрастной состав людей.

⁶ Гегель Г. Ф. Философия права. М., 1990. С. 383.

⁷ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С. 189.

В Первой главе изложено авторское понимание методологических аспектов социологического исследования социума: социологическое воображение как творческий подход к предмету изучения, оценка традиционных попыток опровержения социального «слева» и «справа», анализ социологического детерминизма и его роли в теории и эмпирических исследованиях, а также концепции постэкономического общества, как она представлена в работах В. Иноземцева.

Во Второй главе рассматриваются перспективы личностного роста как основа человеческого капитала, приведены результаты компаративного анализа социального самочувствия населения Беларуси и России, раскрывается социальная природа нигилизма. Особое внимание уделено феномену Номо Ратиенс – человек терпеливый, о котором в социологической литературе практически не упоминается.

Третья глава посвящена социальной сфере и перспективам жизнеобеспечения. Здесь проведена концептуализация понятия «социальная сфера», обоснован сферный подход в социологической теории, раскрыты императивы развития социальной сферы. По результатам социологических исследований рассмотрен институт заработной платы как центральное звено социальной политики, а также социальные ожидания (экспектации) населения в контексте перспектив развития социума. По справедливой оценке Ф. Хайека, «само по себе желание притязателя едва ли налагает какие-либо обязательства на других»⁸. Автор стремится отделить претензии и притязания от ожиданий. Отсюда его следующее утверждение: «Только ожидания, порождаемые длительной практикой, могут налагать обязанности на членов сообщества, составляющих в нем большинство. Это одна из причин, по которой пробуждать ожидания следует со всею осмотрительностью, чтобы человек не брал на себя обязательств, которые выполнить не в состоянии»⁹. Мы считаем, что главное в ожиданиях не длительность практики, а именно то, что они являются реактивными образованиями, формирующимися в ответ на собственные действия актора. Скажем, здороваясь с кем-то, мы ожидаем ответного приветствия, за выполненную качественно и в срок работу ожидаем благодарности и вознаграждения и т. д. В то время как притязания строятся по схеме предоплаты (аванса), поэтому часто они оказываются необоснованными. Что касается осмотрительности пробуждения ожиданий (в труде, семейно-брачных отношениях и т. и.), то замечание Хайека вполне оправдано.

В Четвертой главе представлен анализ совместного с Институтом социологии РАН исследования перспектив Союзного государства Беларуси и России. Рассмотрен большой круг вопросов социально-политического уровня и повседневной жизни людей с точки зрения восприятия их населением обеих стран.

В Пятой главе на ряде примеров показано восприятие людьми мирового экономического кризиса и оценки стратегических подходов к преодолению его последствий. Раскрыта динамика общественного мнения о развитии в Беларуси ядерной энергетики, а также оценки пенсионерами уровня социальной защиты и их удовлетворенности этим процессом.

В Шестой главе представлены ответы автора на вопросы журналиста об актуальных проблемах социологической науки и ее участия в изучении общества и его перспектив развития; а также публикации об известных российских и белорусских ученых.

⁸ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. С. 259.

⁹ Там же. С. 259.

Глава 1

Методологические аспекты социологического понимания социума

1.1. Социологическое воображение как инструмент познания и творчества

1. Постановка проблемы

Воображение – одно из важнейших междисциплинарных понятий, выполняющее в науке многие эвристические, когнитивные, изобретательные, образовательные, коммуникативные, виртуализационные и другие функции. Психологи определяют воображение как «психический процесс, заключающийся в создании **новых** образов (представлений) путем переработки материала восприятий и представлений, полученных в предшествующем опыте»¹⁰. Заметим, что в данной дефиниции, на наш взгляд, сделан чрезмерный акцент на новизну. Безусловно, она, как правило, имеет место, но воображение не только создает, но и обрабатывает по-своему представления, в том числе и в таких формах (даже в науке), как перекомбинация, модификация, аналогия, умное подражание и т. д. Например, скромный английский историк Д. Соммервелл переработал многотомный труд А. Тойнби «*A Study of Hystory*» («Этюды по истории») без ведома автора и мыслей о возможной публикации, только «для собственного удовольствия», по его словам, в два тома. Рукопись поразила даже самого Тойнби, а изданная книга приобрела необычайную популярность¹¹. Вряд ли можно сомневаться, что Д. Соммервеллу понадобился не только текст Тойнби, но и собственное воображение. Не случайно обозреватель К. Бринтон заметил: «Хорошо, если бы другим плодовитым авторам – и, прежде всего, Марксу (можно добавить, пожалуй, также О. Конта, М. Вебера, Т. Парсонса, П. Сорокина и др. – *С. III*) – кто-нибудь сослужил такую же добрую службу»¹².

Воображение играет первостепенную роль также и во всех видах искусства. Приведем для примера слова Даниила Андреева о М. Ю. Лермонтове. Он пишет: «Миссия Лермонтова – одна из глубочайших загадок нашей культуры. С самых ранних лет – неотступное чувство собственного избранничества, феноменально раннее развитие **бушующего, раскаленного воображения** и мощного холодного ума; наднациональность психического строя при исконно русской стихийности чувств»¹³. Кстати, и воображение самого Д. Андреева было высочайшим, но его видения были для него «подлинной реальностью, и в этом отличие «Розы мира» хотя бы от «Властелина колец» Толкиена или других сознательно вымышленных миров»¹⁴.

Важное значение имеет воображение в той сфере, которую психологи называют «живым знанием» (В. П. Зинченко и др.). Имеются в виду знания, используемые людьми в повседневной жизни: общении, социальном выборе, регулировании отношений и поведения, согласовании ожиданий и интерактивных обменов. Австрийский социолог Альфред Шюц (1899–

¹⁰ См.: Психологический словарь. М., 1983. С. 54.

¹¹ См.: Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.

¹² См.: Знамя. 1990. № 2. С. 175.

¹³ Андреев Д. Л. Роза мира // Новый мир. 1989. № 2. С. 179.

¹⁴ Джимбинов С. Предисловие к «Розе мира» // Новый мир. 1989. № 2. С. 177.

1959) назвал их конструктами «первого порядка», поскольку они регулируют повседневные практики и межличностные отношения прямо и непосредственно, не проходя, как правило, через формальные структуры норм, идущих от партий, корпораций, институтов и др., сохраняя логику здравого смысла и обыденного сознания. Конструкты «второго порядка» образованы на базе институциональных императивов (норм, правил) и представляют собой кристаллизацию накопленного опыта (значений понятий, символов), фиксированного в формах общественного сознания. На уровне «живого знания» воображение способствует интернализации образцов, ценностному определению мотивационной сферы, обобщению и осмыслению чувственных представлений. В. Д. Шадриков отмечает: «В психологическом анализе образ предмета (создаваемый воображением – *С. III*) выступает как совокупность мыслей о свойствах этого предмета. С этих позиций образ представляет собой субстанцию мыслей – образ-субстанцию. Сформировавшись, образ-субстанция будет определять отношения во внутреннем мире человека, обуславливая его мышление»¹⁵. Согласно положению Л. С. Выготского, изложенному в «Педагогической психологии», «мысль, существующая во внутренней речи, приобретает новую функцию внутреннего организатора поведения»¹⁶. Так осуществляется переход от образа воображения к образу-субстанции мысли, которая и регулирует поведение человека. С этой позиции можно попытаться объяснить следующую парадоксальную формулу Ф. И. Тютчева (1803–1873): «Мысль изреченная есть ложь». Поскольку во внутренней речи мысль есть *ab ovo* (изначально) образ воображения, она полностью принадлежит только ему – автору, субъекту, и для него она истина как его идеальный проект. Будучи опубликованной («изреченной»), мысль становится публичной, выходит в поле конкурентной борьбы, вступает в процесс доказательства своей действительной истинности. Мысль возможна и без оформления в словах, как чувство, эмоция. Возможно, поэт хотел привлечь внимание к проблеме относительности, релятивности вербальных утверждений, особенно поэтических. Не случайны ведь и слова поэта: «Нам не дано предугадать, // Как наше слово отзовется»¹⁷. Конечно, имеется в виду не объективная оценка мыслей: никакая коммуникация не была бы возможной, если бы оказался прав древнегреческий философ Кратил и др. в том, что истинное знание невозможно. Тютчев говорит о другом. «Мысль изреченная» – это не копия созданной воображением автора и существующей до поры до времени во внутренней речи. Это ее реификация (овеществление) в знаках или звуках, поэтому она может быть воспринята совсем не так, как имелось в виду, было задумано в оригинале. Это серьезная угроза для поэтических, вообще – художественных мыслей-образов, которые не подвергаются верификации, т. е. проверке на истинность, что, собственно, и беспокоило поэта.

В истории общественной мысли проблематике воображения уделено значительное внимание. В работах философов Д. Юма, И. Канта, Г. Ф. Гегеля, А. Бергсона, С. Булгакова, Н. Бердяева, И. Лапшина и др. многие страницы посвящены данному феномену, причем не только в позитивном плане, но и критически. И. Кант справедливо подчеркивал: «Мы часто и охотно играем воображением, но и воображение (в виде фантазий) также часто, а иногда и весьма некстати, играет нами»¹⁸. При всех тонких наблюдениях и глубоких суждениях этих авторов (кроме И. И. Лапшина) серьезным пробелом является очевидное невнимание к роли воображения в изобретательности, инновационном поиске (термин «инновация» появился только в XX веке).

¹⁵ Шадриков В. Д. Образ и слова // Мир психологии. 2014. № 2. С. 83.

¹⁶ Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1991. С. 83.

¹⁷ См.: Мудрость тысячелетий. М., 2005. С. 552.

¹⁸ Кант И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1964. С. 411.

К настоящему времени исследовательское поле в данной области заметно расширилось, появились работы о воображаемых сообществах, национальном воображении и др.¹⁹ Новое информационное пространство, утверждение виртуальной реальности потребовали заметной активации воображения не только на высших этажах – наука, программное обеспечение, информационные технологии, – но и в сфере повседневности, в быту. Сложнее, но и актуальнее становятся проблемы прогнозирования будущего, где традиционной методике экстраполяции должна помочь игра воображения.

Огромную значимость приобретает проблема, которую, используя выражение Канта, можно назвать «фасцинирующие» средства и приемы воображения. Имея в виду все то, что пробуждает, развивает, поддерживает и вдохновляет конструктивное воображение, Кант писал: «Изменчивые, приведенные в движение образы..., – например, мерцание огня в камине или капризные пенящиеся струйки ручья, катящегося по камням, даже музыка – могут привести в такое настроение..., что мышление становится не только более легким, но и более оживленным, поскольку оно нуждается в более напряженном и более продолжительном воображении, чтобы дать материал своим рассудочным представлениям»²⁰. Здесь очень тонко («со вкусом») отмечены некоторые внешние влияния, которые пробуждают воображение; мимоходом замечено, что оно дает материал для рассудка, т. е. для дискурсивного, логического анализа.

Вместе с тем в составе представлений, которыми оперирует воображение, значительную часть составляют те, которые восходят к идеям или к полученным в процессе обучения знаниям, а не только к чувственным восприятиям. Школьник, усвоивший теорему Пифагора, оперирует этой идеей в своем представлении, как своей собственной.

Однако А. Эйнштейн утверждал: «Фантазия выше знания»²¹. Судя по общей интенции великого физика, он хотел акцентировать следующее: опора на имеющееся знание, даже при полной востребованности, – это путь в сторону репродуктивного воспроизводства, в то время как наука, искусство, все сферы и институты общества для успешного развития требуют обновления, а значит, новых разработок, прорывов, открытий, инновационных подходов на базе перманентно фасцинирующегося воображения. Интересно, что подобную мысль высказывал еще Аристотель, ставя на первое место проницательность как способность быстро находить средний термин (посылку) силлогизма²².

Парадоксальная мысль Эйнштейна к сегодняшнему дню приобрела, как и его формула $E = mc^2$, сверхмощное значение, и фасцинирование воображения (менее точно – формирование) выдвинулось в число главных приоритетов современности.

Тема социологического воображения, как считал Ч. Р. Миллс (1915–1962), имеет прямое отношение к призванию социолога в веберовском его понимании²³. Социологу воображение необходимо не только, как иногда думают, для творческой работы, в которой высок уровень функции прогнозирования, но и для описания и объяснения (интерпретации) социальных фактов. Самые, казалось бы, простые социологические данные о настроениях людей, их удовлетворенности жизненной ситуацией, ожиданиях, мотивах выбора профессии или товара, готовности участвовать в голосовании и т. п., невозможно объединить механически и представить как аналитический вывод, не включая в полной мере воображение, питающееся от двух источников: а) эмоционально-чувственных восприятий; б) представлений интеллектуального уровня, приобретаемых и пополняемых путем обучения.

¹⁹ См.: *Андерсон I* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; *Балакришнан Г.* Национальное воображение // *Нации и национальности*. М., 2002.

²⁰ *Кант И.* Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 409–410.

²¹ См.: *Мудрость тысячелетий*. М., 2005. С. 796.

²² *Аристотель.* Аналитики первая и вторая. М., 1952. С. 248.

²³ *Миллс Ч. Р.* Социологическое воображение. М., 2001. С. 3.

Кроме того, важно всегда помнить глубокую мысль Г. Спенсера о том, что без конструктивного воображения нет завершения духовного развития. Для развития социологического воображения полезны упражнения, повышающие чувствительность восприятий, такие как агглютинация – образование производных слов, построение рядов ассоциаций, выявление корреляционных и других связей. «Для воображения, – по словам И. И. Лапшина, – необходима сильная от природы и правильно организованная путем систематического упражнения память. Такая память обеспечивает **яркость** комбинируемых образов и **отчетливость** комбинируемых мыслей»²⁴. Для поддержания и укрепления памяти автор советует «периодически делать синопсис (смотри) своим идеям». Миллс в своих рекомендациях социологу на первое место ставит ведение журнала, записей вообще. «Ведя записи надлежащим образом и тем самым развивая навыки саморефлексии, вы будете учиться поддерживать свой внутренний мир в состоянии бодрствования»²⁵. И, конечно, поскольку большая часть социологической работы – это анализ и синтез идей, необходимо тренировать воображение для их улавливания, отбора, мысленной комбинации, неожиданного сочетания. Для этого полезно решение социологических задач для выработки проницательности, по совету еще Аристотеля, синектики, «мозгового штурма», построения идеально-типических конструкций, в духе Вебера, и многое другое. Нельзя не согласиться с призывом Миллса к молодым социологам: «Будьте мастерами своего дела. Избегайте установленных жестких процедур. Прежде всего старайтесь развивать и применять социологическое воображение»²⁶. А для этого необходимо иметь более полное представление о природе и функциях данного феномена.

2. Гносеолого-креативная функция воображения

В гносеологии, а также в логике и психологии, традиционно выделяются две ступени познания: чувственная и рациональная. Первая включает ощущения, восприятия и представления; вторая – понятия, суждения и умозаключения. В сложном познавательном процессе нас больше всего интересуют представления, ибо они и составляют, прежде всего и главным образом, тот материал, которым оперирует воображение. Сложность понимания и интерпретации представлений состоит в том, что они являются переходным звеном от чувственной ступени (восприятий) к рациональной (абстрактному мышлению) и, вместе с тем, необходимой связью между ними, благодаря которой познание оформляется и функционирует как система. Кроме того, определенную загадочность представлениям придают следующие две особенности: а) то, что они возникают и без присутствия предмета (Кант эту способность созерцания отсутствующего предмета прямо отнес к воображению)²⁷; б) могут находиться в глубинах памяти, а значит, воспроизводить образы и события прошлого.

Как возникают представления? На чувственной ступени познания исходным анализатором является ощущение, несущее сингулярные (одиночные) сведения об одном из признаков предмета, получаемые от единственного рецептора одного из органов чувств. Скажем, если с закрытыми глазами прикоснуться к снежному насту пальцем, то можно узнать только то, что этот предмет холодный. Но на уровне восприятий, когда включаются все органы чувств, становится ясно, что этот предмет (снег) не только холодный, но и белый, скользкий, водянистый, имеющий свой вкус и запах. Восприятия дают комплексную, хоть в основном внешнюю, характеристику предмета, по доступным для восприятия признакам. Если предмета в наличии нет, то создаются его образы, т. е. представления о нем, двумя путями: 1) извлечением из памяти

²⁴ Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии. М., 1999. С. 91.

²⁵ Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. С. 222.

²⁶ Там же. С. 254.

²⁷ См.: Кант И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. С. 402.

прошлого опыта, например, воспоминанием зимних игр, катания на лыжах, санках и т. и.; 2) конструктивным воображением на основе комбинации тех или иных располагаемых сведений, а также полета свободной фантазии о том, каким мог бы быть данный предмет (явление).

На второй ступени чувственные представления переходят в понятия. Это хорошо видно на примере обучения детей счету в уме. Осуществляется эта процедура сугубо предметно: с помощью палочек или иных наглядных объектов дети осваивают понятие числа как количественного измерения предметов (тех же палочек) и операции с ними – сложения, вычитания и т. д. Использование понятий, т. е. переход к абстрактному мышлению, решительно расширяют поле воображения. В него включаются такие явления, которые трудно или невозможно выразить чувственно, путем перебора внешних признаков (в социологии, например, социализация, идентичность, интернализация и др.), появляется качественный анализ связей и отношений, суждений и логика силлогизмов и др. Применительно к роли социологического воображения сохраняют свое значение следующие слова К. Маркса: «При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракций»²⁸. Сила абстракции – это также и проницательность, изобретательность комбинационной способности воображения, оперирующего всеми доступными интеллектуальными представлениями о социальной реальности – как преобладающими, так и вновь создаваемыми.

Воображение работает по схеме «диссоциация – ассоциация». И. И. Лапшин пишет: «Оригинальный мыслитель диссоциирует привычные связи мыслей. Он разрушает кажущееся сходство явлений А и В и вскрывает более глубокое внутреннее сходство между, по-видимому, совершенно несходными явлениями С и Д»²⁹. Диссоциация, т. е. разделение, расчленение, есть начальный этап человеческого мышления, необходимый для получения более дробных частей, элементов и проведения их углубленного анализа. Такое суждение имеет самостоятельное значение, особенно в логике деления понятий, классификации, систематизации и др. Но не менее важно и то, что всякая диссоциация порождает новые ассоциации выделенных элементов, а значит, как отмечал И. Кант, fasciniрует (побуждает) воображение. В качестве примера fasciniрующего действия Кант приводит адвоката, имевшего привычку, произнося речи, наматывать на палец ниточку. Однажды адвокат противной стороны, большой хитрец, вытащил у него из кармана эту нитку, что привело его в крайнее замешательство, так что он говорил чистый вздор; про него и сказали, что он «потерял нить речи»³⁰.

3. Способность воображения в «Антропологии» И. Канта

В мировой философской литературе термин «воображение» используется широко и повсеместно. Однако чаще всего имеются в виду или обыденное понимание воображения как фантазии, грезы и т. и., или наглядная презентация предмета (явления) в символической форме (модели, схемы, чертежи), или же стремление передать семантику метафорически с помощью иных слов и понятий, таких как интуиция, мнемоника, эмпатия и т. д. Такая вариативность заметна даже у ряда авторов, посвятивших свои работы исследованию творчества (А. Бергсон, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и др.), т. е. той области, в которой воображение играет первостепенную и решающую роль. Без воображения невозможна антиципация – способность предвосхищения еще не совершившихся событий или будущих результатов предполагаемого действия; нельзя построить идеал как образ (результат воображения) цели деятельности объединенных вокруг общей задачи людей; вести инновационный поиск, изобрести нечто новое

²⁸ Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1956. С. 4.

²⁹ Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии. С. 91.

³⁰ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. Соч.: в 6 т., Т. 6. С. 410.

в науке, искусстве, других сферах жизни. Способность воображения – атрибутивная характеристика самой человеческой природы, выделяющая его из животного мира. Имея в виду эту способность, К. Маркс писал: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей – архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек отличается от пчелы не только тем, что изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю»³¹.

Учитывая столь важную роль воображения в человеческом познании и деятельности, изначально существовала потребность в глубоком философском анализе данного явления. Одним из тех, кто предпринял усилия в этом направлении, был родоначальник немецкой классической философии Иммануил Кант (1724–1804). Особенность его подхода, благодаря которой он сохраняет определенное эвристическое значение до наших дней, состояла в том, что он попытался соединить гносеологические, антропологические, психологические и эстетические («суждения вкуса») воззрения на данную проблему. В известной работе посткритического периода «Антропология с прагматической точки зрения» (1798) он посвящает воображению отдельный небольшой раздел, наряду со многими интересными замечаниями в других местах, особенно в «Критике способности суждения» (1790). Судя по контексту, Кант стремился выйти за пределы общих деклараций, раскрыть структуру воображения, показать его место в ряду познавательных и мотивационных категорий, отметить возможность ошибок и заблуждений, оценить средства, с помощью которых пытаются ситуативно повысить или вообще развить способность воображения.

По определению Канта, «воображение (лат. *facultas imaginandi* – возможность воображения) есть способность созерцаний и без присутствия предмета»³². Встречается также понимание воображения «как способности к априорным созерцаниям»³³. Эти дефиниции нуждаются в некоторых лингвистических уточнениях. В русском языке слово (термин) «созерцание» имеет несколько значений: а) пассивное наблюдение; б) разглядывание, например, картины или иных экспонатов музея; в) антоним действия, практического акта; г) чувственная ступень познания («живое созерцание»). Ни одно из этих значений не вполне адекватно немецкому термину *Anschauung*, который ввел К. Вольф путем перевода латинского слова *intuitio* – интуиция. По словам Г. Арзаканьяна, осуществившего сверку и исправление терминов русского издания «Критики чистого разума» (2006), все переводчики Канта на не германские языки переводят *Anschauung* как интуицию. «Мы, – замечает автор, – решили сохранить термин «созерцание» и в этом издании»³⁴. На наш взгляд, применительно к воображению такой перевод не вполне точен, поскольку невольно акцентируется «чувственность» (ощущения и восприятия), в то время как воображение имеет дело со всем доступным человеку материалом.

Кант разделил воображения на 4 вида, сохраняющиеся, кстати, и в современной психологии: а) продуктивные и б) репродуктивные; в) произвольные и г) непроизвольные. Продуктивным, по Канту, является воображение «первоначального предмета, которое, следовательно, предшествует опыту. Сюда относятся «чистые» (т. е. априорные. – С. Ш.) созерцания пространства и времени; все остальные предполагают эмпирическое созерцание, которое, если оно свя-

³¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1956. С. 185.

³² Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 402.

³³ Там же. Т. 5. М., 1966. С. 190.

³⁴ Кант И. Критика чистого разума. М., 2006. С. 702.

зывается с понятием о предмете и, следовательно, становится эмпирическим познанием, называется **опытом**»³⁵.

Репродуктивным является производное от имеющегося в душе, прежде эмпирического созерцания, которое и воспроизводится. Произвольное (активное) воображение требует некоторых психологических усилий от человека. При высоком уровне творческой деятельности воображение сознательно направляется на решение инновационной задачи поискового типа.

Непроизвольное воображение не зависит от человека (сновидения) или зависит немного в здоровом состоянии (грезы и пр.).

Помимо этой основной классификации Кант широко использует метафорические названия данного явления, оттеняя с помощью эпитетов характерные особенности того или иного воображения. Так, он выделяет воображения **воссоздания** – восстановление образа по описанию, рисунку и т. д.; **символические** – оперирующие символами; **блуждающие** – перескакивающие в разговоре с одной темы на другую, **ассоциативные** – по логике ассоциаций: сходства, смежности, причины; **мнемические** – основанные на воспоминаниях; **конструктивные** – связанные с построением образов, созданием композиции в искусстве; **рефлектирующие** – анализ собственных состояний и переживаний, хода дел, достижимости целей, адекватности путей и средств их реализации и т. д.; **прогностические** – направленные на будущее; **мечтательные** – формирование желательного, хотя и несколько отдаленного состояния, образа; воображения типа «*Als ob*» – «как если бы»; **идеальные** – направленные на создание идеала, например, красоты, гармонии, справедливости и пр.

Вместе с тем, несмотря на столь богатое и детальное членение, кантовская классификация воображений не свободна от противоречий и спорных моментов, некоторые из которых дискутируются до сегодняшних дней. Прежде всего это касается учения об априорных формах познания. Заявив, что человек обладает априорным, т. е. доопытным знанием, и отказав последнему в каких-либо опосредованиях опытом, Кант не попытался ответить на вопрос о происхождении таких знаний. Ведь, казалось бы, наблюдения за маленькими детьми показывают, что они осваивают окружающий мир путем проб и ошибок, позже на вербальной стадии – приобретают знания от родителей, учителей и т. д. Наука того времени не могла даже поставить проблему априоризмов. Кант, собственно, решал философскую (гносеологическую) дилемму: сознание человека при его рождении представляет собой *tabula rasa*, т. е. чистую доску или же оно содержит какие-то врожденные идеи (знания). Поскольку оба эти варианта несостоятельны, то Кант предложил в своей терминологии третью позицию. Согласно ей, априоризмы – это не знания в их семантической определенности, а формы знания, т. е. организационные схемы, функциональные структуры и когнитивные принципы, благодаря которым только и возможно правильное человеческое познание.

Априоризмы многократно изгонялись из науки и философии, но они вновь и вновь возвращаются. Так, лауреат Нобелевской премии, биолог К. Лоренц говорит о них как о «великом и фундаментальном открытии Канта»: человеческое мышление и восприятие обладают **определенными функциональными структурами** до всякого индивидуального опыта»³⁶. Сегодня можно поставить и тот вопрос, от которого уклонился Кант: «Откуда же взялись эти структуры?» Для биолога-эволюциониста ответ очевиден: они унаследованы от предков, исторически выработались в процессе адаптивной эволюции как биологического вида. «В то время как традиционная философия, – отмечает В. Г. Борзенков, – рассматривала в качестве субъекта познания исключительно зрелого образованного европейца, эволюционный подход пред-

³⁵ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 402.

³⁶ Лоренц К. Кантовская доктрина априори в свете современной биологии // Человек. 1997. № 5. С. 22.

полагает поиск генетической обусловленности этих способностей, их дифференциации, актуализации в процессе онтогенеза, филогенетических корней и т. д.»³⁷.

Из современных разработок, близких к кантовской доктрине априоризма, приведем в качестве примеров три следующие: а) теорию архетипов Карла Юнга (1875–1961), б) учение о лингвистических универсалиях («Генеративная лингвистика») Ноэма Хомского (родился в 1928 г.), и в) Концепцию опережающего отражения П. К. Анохина (1918–1974).

Согласно теории Юнга, архетипы (буквально «первичные образы, модели») – это наследуемая часть психики, образцы, предрасполагающие людей воспринимать, переживать и реагировать на события определенным образом. Архетипы, как «врожденные идеи или воспоминания»³⁸ презентируют содержание коллективного бессознательного. Как известно, последний термин, а также оригинальное толкование Юнгом либидо – не как только сексуальной энергии, а как творческой жизненной потенции личностного роста, – стали «яблоком раздора» между З. Фрейдом и К. Юнгом. «Коллективное бессознательное, – по словам Л. Хьелла и Д. Зиглера, – представляет собой хранилище латентных следов памяти человечества... В нем отражены мысли и чувства общие для всех человеческих существ и являющиеся результатом нашего общего эмоционального прошлого»³⁹. Как говорил сам Юнг, «в памяти есть область, в которой хранится **опыт предшествующих поколений**», образованный совокупностью архетипов. По этому поводу психолог В. Н. Колесников резонно заметил: «Но мы привыкли думать, что вспомнить можно только то, что сам видел, но забыл»⁴⁰. Не случайно авторы известного словаря отметили: «Юнговское понятие архетипов сформулировано в традиции платонизма, согласно которому идеи присутствуют в разуме богов и служат моделями всех сущностей человеческого космоса. Понятию архетипа предшествовали также априорные категории восприятия Канта и прототипы Шопенгауэра»⁴¹. Символом наиболее важного архетипа «Самости» (единства и целостности личности) является, по Юнгу, мандала-санскритское название «магического круга», т. е. сложной фигуры с квадратом в круге или круга в квадрате. Другие архетипы, такие как Персона, Тень, Мудрец, Анима (женское начало в мужчине), Анимус (мужское – в женщине) и т. д., имеют свою символику, соответствующую их предназначению. Для нас важно отметить, что теория архетипов приобрела большую популярность и влияние на интеллектуальную общественность не столько характером априоризма (врожденности и наследования) в ней, сколько идеями духовной связи человечества, единства и преемственности поколений. Эти идеи впервые были выдвинуты философией «русского космизма» в таких категориях, как «соборность», «общее дело», позже – «ноосферность» и др. К сожалению, западная мысль, работающая и сегодня в основном в рамках «методологического индивидуализма», не восприняла их, а революционные потрясения в начале XX века сделали невозможным творческое развитие данного направления и на Родине. Юнг и его последователи не упоминают о российских предшественниках в широком социогуманитарном плане, сосредоточиваясь на психологической стороне архетипов и других категорий. Юнг, как известно, избежал обвинений в поддержке нацизма и был реабилитирован, что продлило его творческую жизнь еще на 16 лет. Но сегодня возрастает потребность в анализе социологических и философских аспектов поставленных им проблем, особенно в связи с глобализацией и повышением конфликтности современного мира. Крайне важно также раскрыть объективную связь теории архетипов и других тем аналитической психологии Юнга с логикой мысли русского космизма. Эту задачу, по-видимому, наиболее успешно могут решить отечественные исследователи.

³⁷ Борзенков В. Г. Единая наука о человеке за пределами редукционизма // Человек. 2012, № 2. С. 28.

³⁸ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Минск, 2001. С. 200.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Колесников В. Н. Лекции по психологии индивидуальности. М., 1995. С. 89.

⁴¹ Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Словарь аналитической психологии К. Юнга. СПб, 2009. С. 44.

Заслуживает внимания идея лингвистических универсалий, выдвинутая американским социолингвистом Н. Хомским. Сравнив четыре тысячи языков народов мира, он обнаружил, с одной стороны, их существенные отличия друг от друга звуками и символами, с другой – сходство по синтаксису, т. е. способу сочетания слов в предложении, а значит, по форме мысли. С его точки зрения это обусловлено «глубинными структурами», в основе которых лежат укорененные в человеческой психике и мозге «врожденные настройки». Они то и определяют правила («схема универсальной грамматики») образования «наполненных значениями предложений и объясняют переводимость одних языков на другие»⁴².

В этом, далеко не беспредметном, споре нетрудно заметить расхождения, источником которых являются разные понимания природы знания. При сугубо рационалистической трактовке знания (позитивизм) как логически правильного дедуктивного вывода или индуктивного обобщения чувственных и/или экспериментальных данных врожденным оно быть не может. Более того, все вне- и доопытные сведения, не укладывающиеся в рациональную схему, к знанию не причисляются. Тем самым из совокупного тезауруса исключаются здравый смысл, интуиция, суждения вкуса (И. Кант), метафизические трансцендентные и ценностные умозаключения. Но если к знанию относят любые когнитивные формы (мнения, убеждения, верования и т. д.), которые способствуют правильной ориентации в мире и оптимизации решений в ситуации выбора, то ответ не столь очевиден.

Под опережающим отражением понимаются некоторые когнитивные акты относительно объектов (явлений), которые актуально не присутствуют в познавательном поле (в сфере чувственного восприятия), хотя могут быть представлены в нем виртуально. Факты такого отражения широко известны по наблюдениям над животными. А. М. Коршунов писал: «Опережающее отражение у животных связано либо с врожденными программами – инстинктами, либо с программами, приобретаемыми в ходе индивидуальной жизнедеятельности, – пожизненно формирующимися функциональными системами»⁴³.

У человека опережающее отражение проявляется в формах целеполагания, воображения, проектирования, инновационной деятельности, вообще во всем и везде, где требуется не просто репродукция, производство по шаблонам, а творческий подход. Однако, несмотря на повседневную представленность феноменов опережающего отражения, его природа длительное время оставалась невыясненной, а категориальный статус – неопределенным. Выдающийся русский физиолог П. К. Анохин (1918–1974) раскрыл физиологический механизм опережающего отражения и показал, что оно является регулятором становления и развития любой функциональной системы.

Согласно традиционной модели, идущей от Декарта, рефлекторная деятельность является целенаправленной и адаптивной. Но возникает вопрос: как организм узнает о том, что желаемая цель достигнута? «Весь имеющийся в арсенале нашей нейрофизиологии материал, – писал П. К. Анохин, – не может дать нам ответа на этот вопрос... Нет никаких видимых с обычной точки зрения причин, почему одна из афферентаций стимулирует центральную нервную систему на дальнейшую мобилизацию рефлекторных приспособительных актов, а другая – наоборот, останавливает приспособительные действия»⁴⁴. В поисках ответа были введены новые термины, приобретшие впоследствии общенаучное концептуальное и методологическое значение. Это «обратная афферентация», ставшая прообразом обратной связи в кибернетике (афферентация (лат. *afferenc* – приносящий) – возбуждение, передаваемое по нервным волокнам от иннервируемых тканей к центральной нервной системе); «акцептор действия» (от

⁴² См. \ Дорфман Л. Я. Эмпирическая психология: исторические и философские предпосылки. М., 2003. С. 79.

⁴³ Коршунов А. М. Теория отражения и творчество. М... 1971. С. 60.

⁴⁴ Анохин П. К. Особенности афферентного аппарата условного рефлекса и их значение для психологии // Вопр. психологии. 1955. № 6. С. 26; Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975. С. 44.

лат. *acceptare* – принимать, одобрять) – контрольный аппарат в нервной системе, основанный на сильном наследственном безусловном рефлексе и связанный с условным раздражителем; «опережающее отражение» – «заготовленный комплекс возбуждений», существующий в организме до того, как оформился сам рефлекторный акт. Организм узнает о достижении цели путем сравнения информации, поступающей по каналу обратной афферентаций с заготовленным комплексом возбуждений. В случае несовпадения возникает необходимость в дальнейшей мобилизации рефлекторных актов, т. е. продолжения действия. Заготовленный комплекс состоит из генетической программы и следов прошлого опыта. Это и есть физиологическая основа опережающего отражения, благодаря ему организм «знает» цель и, соответственно, стимулирует или останавливает рефлекторные действия. Кроме того, он заранее «умеет» дифференцировать раздражители (стимулы), четко выделяя те, которые соответствуют наследуемым безусловным рефлексам.

Идеи Анохина позволяют понять и психологический уровень опережающего отражения. Безусловно, если исходить из абстрактной пассивно-созерцательной модели гносеологического субъекта, то опережающее отражение невозможно. Восприятие, тем более копирование, фотографирование несуществующего объекта было бы не более чем фантомом, призраком. Но реальный человек – существо активное, адаптивно-адаптирующее, целеполагающее. Постановка цели связана прежде всего с предвидением – пусть и неточным, маловероятным и т. д. – результата деятельности, а следовательно, с формированием плана, созданием идеального образа объекта и схемы (проекта) его изменения. Человек вообще не работает непосредственно с объектами, он всегда конструирует предмет деятельности, исходя из цели и свойств объекта, существенных в данном отношении. Одно дело, когда дерево рубят на дрова, другое – на строительство дома. Таким образом, опережающее отражение и есть мысленное конструирование предмета деятельности из тех элементов действительности, которые доступны и адекватны целям человека.

В социологической методологии априорными можно признать такие постулаты, как системность социума, функциональный подход, антропный принцип и ряд других, независимых от индивидуального опыта отдельного человека.

В кантовском понимании воображения нельзя не отметить, что ему не всегда удастся добиться строгости и ясности употребляемых терминов, которые особенно важны в такой работе, как «Антропология», уже потому, что она адресована «широким кругам» читателей, т. е. всем и каждому. Так, в толковании продуктивных воображений появляются некоторые противоречия. С одной стороны, он вновь и вновь доказывает, что такие воображения не могут быть творческими: «Хотя воображение, – пишет Кант, – великий художник, более того, волшебник, тем не менее, оно не имеет творческого характера, а всегда должно заимствовать **материал** для своих порождений из чувств»⁴⁵. Это утверждение вполне в духе сенсуализма Д. Локка с его тезисом: «В уме не может быть ничего, чего бы не было в чувствах», на что его современник Г. Лейбниц остроумно возразил: «Кроме самого ума». Так и у Канта: воображения получают данные органов чувств, как-то их обрабатывают, не создавая при этом ничего нового. «Продуктивное воображение, – в его толковании, – все же не бывает творческим, т. е. способным породить такое чувственное представление, которое до этого **никогда** не было данным нашей чувственной способности; всегда можно доказать, что для такого представления материал уже был... желтый и синий цвет, смешиваясь, дают зеленый цвет, но воображение никогда не могло бы породить ни малейшего представления об этом цвете, если бы мы не видели его смешанным»⁴⁶. Приведенный пример (о цвете) *как будто бы* убедителен: действительно, не увидишь процесс смешивания желтого с синим, не узнаешь, как появился зеле-

⁴⁵ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 404.

⁴⁶ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 403.

ный цвет. А «как будто бы» потому, что нужно, во-первых, провести резиньякцию холистического (целостного) процесса познания с выделением «чистых» форм: чувственности, рассудка и разума; во-вторых, термину «представление» – промежуточному между чувственной и рациональными ступенями познания придать исключительно обыденное (не научное) значение. Кант, кажется, не задумался над тем, что когда-то смешение цветов было проведено впервые: случайно ли, перебором проб, а может быть, и проективным воображением, если того требовала практика.

С другой стороны, Кант утверждает, что художник, прежде чем представить телесную фигуру осязаемо, должен изготовить ее в своем воображении. «Тогда эта фигура есть творчество, которое если оно произвольно (например, во сне) называется **фантазией**, если же оно управляется волей, оно называется **композицией, изображением**»⁴⁷. Здесь Кант подошел к центральному пункту понимания воображения: не только как психического процесса, но и в широком инновационном плане. Продуктивное воображение присуще только человеку, и оно должно не только создавать новые образы (представления) в сознании, но и при благоприятных условиях вести к изображению, по крайней мере поддерживать, стимулировать поиск в таком направлении, хотя бы ассимилировать и реализовывать чужие проекты. В этом и состоит его высшее сознательное предназначение, что непосильно так называемым чистым формам, в том числе и «чистому разуму», как это показал сам Кант на примере антиномий чистого разума⁴⁸.

Применительно к науке справедливы следующие слова А. Эйнштейна: «Сформулировать проблему гораздо важнее, чем решить ее; последнее скорее зависит от математических или экспериментальных навыков. Для того чтобы задать новый вопрос, открыть новую возможность, посмотреть на старую проблему с новой точки зрения, необходимо иметь творческое воображение, и только оно движет науку вперед»⁴⁹. Кант во всех своих работах проявил блестящие образцы такого воображения, однако ему, видимо, изменила интроспекция (самонаблюдение), ибо в данном случае он не пошел вглубь проблематики изобретения, сосредоточившись на важных, но более периферийных аспектах рассматриваемой темы. Уже то, что он, говоря об изобретении, ссылается на художника, а не на ученого, политика и др., показывает, что творческий пафос первого кажется ему наиболее очевидным. Но здесь же, противореча себе, он заявляет: «Если же он (художник) изготавливает по образцам, которые не могут встречаться в опыте, то они называются причудливыми, неестественными, карикатурными... Мы часто и охотно играем воображением, но и воображение (в виде фантазий) также часто, а иногда и весьма некстати, играет нами»⁵⁰. Противоречие здесь в том, что произведение, выполненное по образцам опыта (которые встречаются в опыте), трудно бывает отнести к изобретениям, а не к репродукциям. К тому же отождествление воображения с фантазией, встречающееся и сегодня в некоторых психологических работах, нельзя признать корректным. Формально они похожи, поскольку оперируют представлениями, но фантазия, в принципе, свободна от любых ограничений, в том числе и от законов науки (гравитации, сохранения энергии и пр.), поэтому легко создает *Perpetuum mobile*, новые источники энергии, гиперболоиды и т. и., и чаще всего этим и занимается. В то время как воображение, о котором говорил Эйнштейн, ограничено уровнем знания, ресурсов и других возможностей, имеет определенные цели и решает те задачи, которые служат достижению этих целей, требует огромных волевых, интеллектуальных и иных усилий.

Научное воображение отличается от фантазии, по крайней мере в одном, но решающем, пункте, а именно, оно методически дисциплинировано. В силу этого компетентный профес-

⁴⁷ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 412.

⁴⁸ Кант И. Критика чистого разума. М., 2006. С. 341.

⁴⁹ Einstein A., Infeld L. The Evolution of Physics. N.Y. 1938; см. также: Маслоу А. Г. Мотивация и личность. М., 2001. С. 369.

⁵⁰ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 411.

сионал не станет изобретать «вечный двигатель», не займется темами из области лженауки; он знает, что они табуированы, понимает, почему это сделано и осознанно поддерживает такие запреты и ограничения. Кант, своим сближением, вплоть до отождествления, фантазии и воображения, ушел от анализа изобретательства, ограничившись только постановкой вопроса. Спустя некоторое время эту линию в философии продолжили другие, в числе которых особенно выделяется русский философ И. И. Лапшин (1870–1952), автор известной работы «Философия изобретения и изобретение в философии».

У Канта по данной теме можно выделить также следующие положения.

1. О возбуждении или сдерживании воображения. Автор называет различные вещества – яды, грибы, напитки и пр., влияющие на воображение, показывает последствия их использования, отмечает позитивное воздействие таких, казалось бы, не заслуживающих внимания источников, как огонь в камине, пенящиеся струи ручья, музыка и др. Преувеличенное восхваление, отмечает Кант, особенно делаемое заранее, до знакомства с объектом, вызывает не усиление, а ослабление воображения, – в силу некоторого разочарования. Эта мысль весьма подходит к практике современной рекламы, с ее завышенными оценками и бесконечным повторением на TV, радио и в прессе. Здесь же приводится пример о «потерянной нити речи», который уже упомянут нами выше. Кант пишет, что в силу выработанной привычки внимание не рассеивается посторонними ощущениями, «но воображение может при этом тем лучше продолжать нормально действовать»⁵¹. Отсюда можно сделать вывод о пользе правильных привычек для стимулирования воображения.

2. О видах чувственной способности к творчеству. Кант выделяет три вида чувственной способности к творчеству: изобразительную (пластическую), ассоциирующую и способность сродства.

Изобразительная способность (*imagination plastica*) есть изображение предмета в пространстве по представлениям воображения. Канта особенно заботит качество воображения. «Причудливые вымыслы, – по его словам, – представляют собой как бы сновидения бодрствующего человека»⁵². Кант имел в виду художников, и уже тогда предостерегал от опасности перверсивного (извращенного) уклона в свободной игре воображения. Увы, современное искусство не прислушивается к великому мыслителю. Причудливые вымыслы с доминированием сексуальных и танатологических мотивов, стали модой, приобрели безумную коммерческую цену, многократно превзошли то, что Кант называл естественными, т. е. идущими от жизненного опыта, представлениями. Здесь же мы находим оригинальные мысли автора о сновидениях. По его мнению, сновидения восстанавливают жизненные силы человека своим воздействием на организм. Он пишет: «Жизненная сила, если бы она постоянно не возбуждалась сновидениями, совсем бы угасла и очень глубокий сон обязательно приводил бы к смерти»⁵³. Вместе с тем Кант, вопреки сонму толкователей сновидений, категорически против того, чтобы принимать их за откровения из какого-то невидимого мира.

Ассоциирующая способность есть созерцание во времени (*imaginatio associans*). Возможно, было бы более корректно назвать эту способность диахронической, поскольку она включает только последовательность ассоциаций во времени. «Закон ассоциации, – утверждает Кант, – гласит: эмпирические представления, часто следовавшие друг за другом, создают в душе привычку: когда появляется одно из них, вызывать и другие»⁵⁴. Физиологического объяснения этого требовать напрасно, выдвигаемые гипотезы не прагматичны, т. е. неприменимы на практике. В то же время, если взять, например, народные приметы о погоде: это не гадания,

⁵¹ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 410.

⁵² Там же. С. 411.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 412.

их некоторая статистика основана на последовательных реальных наблюдениях. Конечно, это только локальные наблюдения, и основанные на них прогнозы могут быть близки к истине, если не происходят глобальные катаклизмы.

Способность творчества по сродству означает нахождение общего корня (начала, основания) разнородных представлений о предметах (явлениях) воображения. Кант объясняет химический смысл слова «сродство» как единства веществ, дающих при соединении нечто третье, но имеющее такие свойства, которые возможны только благодаря их соединению. Житейским проявлением такой способности является умение выдерживать определенную тему (до ее исчерпания), на которую нанизывается все многообразие мыслей, относящихся к ней. Здесь к чувственности присоединяется рассудок, т. е. понятийный аппарат, и ассоциация происходит сообразно с рассудком, «хотя и не как исходящая из рассудка».

3. Краткий анализ недостатков воображения, которые, по Канту, «заключаются в том, что его (воображения) вымыслы бывают или просто **необузданными**, или же **нелепыми**. Последний недостаток самый худший, ибо он сам себе противоречит»⁵⁵. В качестве примера Кант приводит ужас арабов перед каменными изваяниями людей и животных в пустыне Рас-Сем (Ливия). Религиозное воображение представляет, что это проклятие превратило их в камни (первый тип вымысла), и что в день всеобщего воскресения животные зарычат и спросят у скульптора, почему он не дал им душу (второй тип вымысла). Прошло столько времени, казалось бы, все это – не более чем «преданья старины глубокой, дела давно минувших дней». Но сравнительно недавние телерепортажи о том, как яростно талибы громили в Афганистане лучший в мире памятник Будде, говорят о другом. А вымыслы западных журналистов и политиков о причинах конфликта в Украине, о ходе боев на Юго-Востоке, о сбитом «Боинге» и т. д. и т. и. – требуют, по-видимому, дополнения кантовской типологии вымыслов.

4. Память как необходимое условие творчества. «Память, – по определению Канта, – отличается от чисто репродуктивного воображения тем, что она способна **произвольно** воспроизводить прежнее представление, что душа, следовательно, не есть только игра воображения»⁵⁶. Репродуктивным называется такое воображение, которое воспроизводит образы по уже имеющимся актуальным представлениям (образцам). Так, дети рисуют геометрические фигурки – треугольник, ромб, квадрат и др. – на основании имеющихся у них знаний, но если учитель предложит изобразить то, что они рисовали вчера, это будет обращение к памяти. Формальными достоинствами памяти являются: быстро запоминать, легко вспоминать, долго помнить.

По Канту, запоминание может быть механическим, изобретательным или рассудительным. Первое основывается на многократном буквальном повторении, например, заучивание таблицы умножения. Торжественные тексты (присяга, молитва, клятва и др.), в которых нельзя изменить ни одного слова, представляют большую трудность даже для людей с прекрасной памятью, и они часто прибегают к чтению по бумажке – из-за опасения ошибиться. Современные технические средства суфлирования, подсказки – ушные микрофоны, мониторы за кадром и др. – существенно облегчают трудности публичного выступления, но тем более ценится умение говорить «от себя», а не зачитывать текст, часто подготовленный другими (спичрайтеры, помощники и т. д.).

К изобретательному запоминанию Кант относит способ запечатления представлений по ассоциации. Несмотря на большую популярность данной теории, развиваемой и сегодня неогоссоцианистами, Кант высказал некоторые сомнения в ее эффективности. Он писал: «Для того чтобы легче удержать нечто в памяти, ее еще больше обременяют побочными представлениями; следовательно, **нелепо** сочетать то, что не может быть объединено под одним и тем же

⁵⁵ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 418.

⁵⁶ Там же. С. 419.

понятием, – это неправильный образ действия воображения»⁵⁷. Отсюда его критика всяких иллюстраций, как навязывания без всякой нужды ассоциациями совершенно несходных представлений. Он иронично называет «волшебным фонарем школьного учителя» азбуку с картинками, Библию или даже пандекты (религиозные сюжеты) в картинках.

Рассудительным является запоминание «по мыслям деления системы (например, системы Линнея), когда позабытое можно восстановить, понимая логику связи звеньев в системе. Это, по Канту, лучший способ запоминания: в нем рассудок помогает воображению, а воспоминания основываются на топике, т. е. определенных местах классов, которые располагаются как книги в шкафах библиотеки. Нельзя, считал Кант, пренебрежительно отзываться о людях с феноменальной памятью, (Пико делла Мирандола и др., из современных – известный российский мнемонист С. Шерешевский), о полигисторах (эрудитах). Их заслуга в том, что ими собран сырой материал, хотя для его обработки нужны другие умы – с высокой способностью суждения. Кант приводит слова Платона: «Умение писать погубило память (отчасти сделало ее излишней)», но лишь частично соглашается с ним. По его оценке, «умение писать всегда останется превосходным искусством..., оно заменяет самую обширную и самую лучшую память, недостаток которой оно может возместить»⁵⁸.

Таким образом, в изложении Канта, память абсолютно необходима для творчества. Даже механическое запоминание, например, при изучении языка, расширяет возможности творчества: за счет повышения кругозора, улавливания особенностей другой страны и их ассимиляции, свободы общения и т. д. В отличие от репродуктивного воспроизводства память произвольна и селективна. Представления памяти не просто складываются и сохраняются, они подвергаются значительным изменениям, в том числе и забыванию, которое очищает место для новых, часто более актуальных представлений. И. А. Бунин, на вопрос, почему он не ведет дневников, ответил: «А зачем? Все нужное остается в памяти, а ненужное уходит». Мысленная обработка «текстов» памяти, анализ и синтез с выделением существенного и второстепенного, общего и специфического, ведет к переконструированию образов, переосмыслению и переоценке прошлого и возникновению новых – представлений творческого воображения.

Во времена Канта изучение памяти находилось в зачаточном состоянии, первые попытки объективного исследования относятся к концу XIX века. Поэтому не стоит упрекать автора за то, что он что-то упустил, скорее следует удивиться тому, что он заметил и зафиксировал. Раньше говорили, что письменность убила память, Кант это опроверг. Сегодня жалуются, что дети не знают наизусть стихотворений, что Википедия и прочие «поисковики» вытесняют память. Но ведь, как показал Кант, рассудительное запоминание требует иной памяти: не значений слов, а смыслов мест (топики). Даже для того чтобы грамотно использовать все возможности мобильного телефона, необходимо помнить больше вариантов (разрядов или классов), чем в некоторых учебниках. Значит, память изменилась не по глубине или объему, а по содержанию. Дефиниции терминов запоминать не нужно, раз есть словари, но знать, где, как, и быстрее найти ответы, надо назубок.

Сегодня разрешена древняя загадка: почему человек плохо помнит свое детство до трех лет, даже часто больше? Канадские ученые выявили, что образование новых клеток головного мозга стирает старые воспоминания. Поскольку в раннем детстве клетки центра памяти растут очень быстро, связь между ними разрушается; в результате память о детских впечатлениях извлечь невозможно⁵⁹. Кант же называл одним из самых непримиримых врагов памяти «при-

⁵⁷ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 420.

⁵⁸ Там же. С. 422.

⁵⁹ См.: АиФ. 2014. 1 окт. С. 40.

вычку в искусстве убивать время и делать себя бесполезным для людей, а впоследствии и сетовать на то, что жизнь коротка»⁶⁰. С этим трудно не согласиться.

4. Идеальный тип как плод воображения (по М. Веберу)

В трудах М. Вебера можно найти, пожалуй, больше, чем у других классиков социологии, того, что правомерно отнести к плодам воображения (не путать с толстовскими «плодами просвещения»). Правда, сам Вебер чаще всего называет и этот процесс, и его результаты фантазией. Так, он подчеркивает: «Наша фантазия, безусловно, может часто обходиться без такого точного понятийного формулирования в качестве средства **исследования**; однако для изображения, которое стремится быть однозначным, применение его в области анализа культуры в ряде случаев совершенно необходимо. Тот, кто это полностью отвергает, должен ограничиться формальным, например историко-правовым, аспектом культурных явлений»⁶¹. Речь идет о формообразовании понятий, необходимых для адекватного постижения и понимания социальных, в данном случае культурных, явлений; к этой мысли мы еще вернемся, а пока обратим внимание на употребленный автором термин «фантазия», вместо напрашивающегося по контексту воображения.

Дело в том, что понятия эти близки друг другу в двух моментах: во-первых, они оперируют общим материалом, а именно – представлениями; во-вторых, оба способны продуцировать образы предметов (явлений), находящихся вне зоны восприятия, или, как отмечал Гегель, «вызывать образы и представления, когда уже нет соответствующего им созерцания, и дают им **самим по себе** входить в сознание»⁶². Акцентируя эти моменты сходства, отдельные авторы имеют в виду их синонимичность и пишут «воображение», добавляя в скобках «фантазия»⁶³. Фантазия отличается высокой степенью свободы от многих ограничений – семантических, лексических, логических и других норм, которые регулируют продуктивное воображение.

Одним из важнейших вкладов Вебера в социологическую методологию является его концепция идеального типа. Эту концепцию правомерно было бы назвать имажинативной, т. е. созданной (изобретенной, придуманной) творческим воображением автора, однако такое словоупотребление отсутствует, главным образом, из-за противоречивых интерпретаций основного термина и его производных. Между тем в социологии существуют два основных пути получения нового знания: 1) выводной, когда знание следует из анализа эмпирического материала – статотчетов, данных наблюдений, опросов и т. д., например, причины разводов, предпочтения в выборе товаров, социальные ожидания разных групп населения и др.; 2) креативный, в котором новое знание есть плод творческого воображения: перекомбинации и синтеза множества мысленных представлений, например, вывод о том, что глубинная причина разводов связана с рассогласованием взаимных ожиданий. Веберовский «идеальный тип» создан по второму варианту. О данной конструкции, как отмечал французский социолог Раймон Арон (1905–1983), «уже так много написано..., но уступка (использование обычных терминов. – С. Ш) не должна приводить к забвению обязанности строго определять научные понятия»⁶⁴. Да, об идеальном типе написано много, но нас в данном случае интересует как раз то, что, кажется, совсем обойдено вниманием, а именно – роль социологического воображения (*imagination*) в создании данной конструкции. Конечно, Вебер знал примеры идеализации в математике (точка – тело, не имеющее размеров) и естествознании (абсолютно упругое тело – способное восста-

⁶⁰ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 422.

⁶¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 394.

⁶² Гегель Г. Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 186.

⁶³ См. Психологический словарь. Под ред. В. В. Давыдова и др. М., 1983. С. 34.

⁶⁴ Арон Р. Избранное: введение в философию истории. М., 2000. С. 156.

навливать свой объем и форму и др.); термин «идеальный тип» встречается у Э. Дюркгейма, правда, не категорично, а как аналогия, но в социологию, другие «науки о культуре» его ввел Вебер. Однако прежде чем пытаться выяснить, как он это сделал, целесообразно ответить на вопрос, который часто опускается: зачем ему понадобилась идеально-типическая конструкция?

Сам автор отмечает: «Мы обычно имеем дело просто с особым случаем формообразования понятий, которое свойственно наукам о культуре и в известном смысле им необходимо. Нам представляется полезным характеризовать такое образование понятий несколько подробнее, так как тем самым мы подойдем к принципиальному вопросу о значении теории в области социальных наук»⁶⁵. В этих словах мы видим изначальное введение в проблемную ситуацию, суть которой в том, что имеющиеся приемы дефинирования новых понятий представляются недостаточными, или, используя любимый термин Вебера, «неадекватными» стоящим задачам. Далее он поясняет свою мысль: «Разве могут быть такие понятия, как «индивидуализм», «империализм», «феодализм», «меркантилизм», «конвенциально» и множество других понятийных образований подобного рода... быть определены посредством «беспристрастного» **описания** какого-либо явления или посредством абстрагированного сочетания черт, общих **многим** конкретным явлениям? Сотни слов в языке, значение которых лишь зримо ощущается, а не отчетливо мыслится»⁶⁶. Не удовлетворен Вебер и классическим родо-видовым способом образования понятий. По его мнению, «дефиниция по схеме *genus proximus, differentia specifica* (общий род, видовые отличия), конечно, просто бессмысленна»⁶⁷. Нет сомнения, что многие социологические понятия таким образом не определимы, поэтому широко используются приемы, сходные с определением, описанием, характеристиками, дефинициями через отрицание и т. д. Справедливо указано в одном из учебников: «В логике и эпистемологии до сих пор не было точного и до сих пор нет общепризнанного определения самого термина «определение», а это значит, не ясно, что имеется в виду под данным термином, и все разговоры в таком случае могут превращаться, по словам одного мыслителя, в «шелуху слов» вместо мыслей»⁶⁸. Одним словом, постановку проблемы Вебером можно признать актуальной не только для его времени, но в определенном смысле и для сегодняшнего дня. Важно отметить, что на этом этапе воображение автора направлялось на выделение приемов образования понятий (по возможности всех имеющихся приемов), перекомбинацию их элементов, синтезирование с выходом на новый, до сих пор не используемый или осмысленно не освоенный вариант.

Что же такое идеальный тип и как он конструируется? Идеальный тип представляет собой имажинативный (созданный воображением) мысленный конструкт (понятие или систему), выражающий исследуемый фрагмент социальной реальности в его индивидуальном своеобразии, логической непротиворечивости и смысловой адекватности (рациональности). Вебер подчеркивает: «Подобные понятия являют собой мысленные конструкции; в них мы строим, используя категорию объективной возможности, связи, которые наша ориентированная на действительность, научно дисциплинированная **фантазия** рассматривает в своем **суждении** как адекватные»⁶⁹. Как видим, здесь прежде всего акцентируется объективная возможность, а это значит, что в проектируемой конструкции не должно быть ничего, что в изучаемых обстоятельствах места и времени для нее невозможно. Например, в идеальном типе средневекового городского хозяйства не может быть централизованного теплоснабжения, очистных полей аэрации сточных вод, не говоря уже о таксопарках или аэродромах. Термин «фантазия», как и «утопия»

⁶⁵ Вебер М. Избранные произведения. С. 388.

⁶⁶ Там же. С. 392.

⁶⁷ Там же. С. 393.

⁶⁸ Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика. М., 1994. С. 393.

⁶⁹ Вебер М. Избранные произведения. С. 393.

в других местах, приводит многих исследователей в смущение, – они находят противоречие у Вебера. Так, Л. Г. Ионин в хорошей энциклопедической статье пишет: «Итак, идеальный тип – что же это: априорная конструкция или эмпирическое обобщение?»⁷⁰ При этом, как нам представляется, недостаточно учитываются два момента: во-первых, то, что идеальный тип не выводное, а имажинативное знание – плод творческого воображения социолога; во-вторых, что Вебер говорит не просто о фантазии как о совершенно свободном вымысле, а о «научно дисциплинированной фантазии», которая вооружена, но и ограничена, всем арсеналом логики и методологии науки, т. е. является правильным воображением, которое никогда не включит в свои «вымыслы», например, летающих людей – левитантов, инопланетян и вообще все то, чем наполнены современные фантазии. Для Вебера такой дилеммы, отмеченной Иониным, не было, он принимал и то и другое. Действительно, воображение, чтобы быть продуктивным, должно работать с определенным материалом, выраженным в представлениях – как эмпирических, так и известных изобретателю теоретических результатах. Но оно трансформирует и комбинирует этот материал по-своему, теми способами, которые не использовались другими для получения нового знания в исследуемой им области. Можно только пожалеть, что Вебер не написал работу о социологическом воображении. Многие заготовки для нее содержатся в тех же исследованиях идеально-типического конструирования, изобретательства по сути.

«По своему содержанию, – замечает Вебер об идеальном типе, – данная конструкция носит характер **утопии**, полученной посредством **мысленного** усиления определенных элементов действительности»⁷¹. Термин «утопия» дезориентирует многих интерпретаторов текста, использующих уничижительный вариант данного термина, возникший после выхода книги писателя и канцлера Англии Томаса Мора «Утопия» (1516), т. е. «место, которого нет», иначе говоря, иллюзия, несбыточная мечта, неосуществимое пожелание или просто бред. Ретроспективно к «утопистам» отнесли всех тех, кто выдвигал проекты «идеального общества», в том числе Платона, Протагора, Ксенофонта, Лао-Цзы, Шан-Яна, многих христианских мыслителей, позже Кампанеллу, Ф. Бэкона, Оуэна, Фурье и других, вплоть до трактата И. Канта «К вечному миру» (утопия?) и социальных романов А. А. Богданова. Сегодня все чаще звучат голоса о необходимости реабилитации утопии, выделения из ее обывательского понимания тех проектов, которые остались втуне не потому, что противоречили законам науки, общественной морали или природе человека, а по социально-политическим условиям своего времени. Не случайно Р. Арон использовал термин «ухрония» – время, которого нет, позволяющий описывать вневременные связи, например, корреляционные и др.

Не трудно заметить, что если в приведенном тексте Вебера слово «утопия» заменить одним из нарицательных его значений, скажем иллюзия и т. и., то вместо вполне определенного суждения получится чистый оксиморон, типа «жареный лед». Следовательно, Вебер под утопией имел в виду не ее расхожее значение, а только имажинативную идею, т. е. созданный воображением образ или проект. При таком понимании все становится на свои места: идеальный тип образуется путем усиления антецедентов, т. е. уже имеющихся существенных, значимых признаков того фрагмента действительности, которые выделяются в качестве предмета социологического исследования. В свете этого понятно, что априорными в идеальном типе могут быть не содержательные компоненты, а только те нормы – логические, сематические, методологические и пр., которые регулируют познание и изобретательную направленность воображения.

Упор отдельных авторов на то, что идеальный тип только вспомогательный инструмент познания действительности, представляется несколько двусмысленным. Если вспомнить пример К. Маркса о том, что плохой архитектор отличается от хорошей пчелы тем, что сначала

⁷⁰ Ионин Л. Г. Вебер // Социология. Энциклопедия. Минск, 2003. С. 156.

⁷¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 389.

он строит дом в голове, т. е. идеально, то нельзя не признать эвристичность сравнения. Более того, человек отличается не только от пчелы, но и от всех животных наличием воображения. Но возникает вопрос: как быть, если архитектор построил дом с отопительными батареями внутри стен и половина тепла обогревает улицу? Вебер, по-видимому, сказал бы, что нарушена логика построения идеального типа дома: главные атрибутивные признаки, такие как тепло- и энергосбережение, экономичность принесены в жертву внутреннему интерьеру, в частности, гладким, без навесных батарей, стенам, что в наших климатических условиях недопустимо. Может быть, он добавил бы, что такой архитектор ниже пчелы, поскольку отопление, как и вентиляция, в ульях устроено именно идеально. А это значит, что правильное конструирование подобных идеальных типов из вспомогательного средства становится центральным. То же можно сказать и об идеальном типе руководителя капиталистического предприятия. Вебер утверждает, что следует иметь в виду не среднего, а именно типичного менеджера или директора. Но идеальный тип создается не путем обобщения, скажем, тестовых показателей IQ, ригидности и т. и., чем занимаются психологи, а путем имажинативной рационализации. Социолог может создать такой образ (портрет) на основе анализа биографических данных и должностного пути, экспертных оценок, общественного мнения и т. д., и, сравнивая реальные портреты с идеальным типом, помогать избавляться от недостатков, усиливать достоинства, одним словом, правильно решать задачи подбора соответствующих кадров. Понятно, что это формализованная процедура и она не абсолютна. Но она противостоит разным приблизительным методам (проб и ошибок) или полулегальным (кумовство, синекура и т. и.). «Конечно, – замечает Р. Арон, – чтобы выявить то, что отличает руководителей капиталистических предприятий друг от друга, прибегают к преувеличению признаков «идеального типа». С другой стороны, пренебрегают случайным. Но индивиды должны более или менее представлять собой качества, которые необходимы для понимания термина»⁷². Имеется в виду, что каждый руководитель должен знать свое дело, уметь ладить с людьми, обеспечивать прибыль, рентабельность, конкурентоспособность – все это атрибутивные признаки идеального типа, а вот игра в гольф, шахматы или увлечение альпинизмом – это случайное, чем можно пренебречь.

В работе «Основные социологические понятия» Вебер приводит пример, демонстрирующий, как должен использоваться идеальный тип. Он обращается к австро-прусской кампании 1866 г., ставшей решающим шагом на пути к объединению Германии в единое государство, что случилось в 1871 г. Хотя этот пример исторический, но он вполне понятен и нагляден. **«Необходимо, – подчеркивает Вебер, – сначала (мысленно) установить, как в случае идеальной целерациональности расположили бы свои войска Мольке (Пруссия) и Бенедикт (Австрия), если бы каждый из них был полностью осведомлен не только о той ситуации, в которой находился он, но и о ситуации противника. Затем с этой конструкцией сравнивается фактическое расположение войск в упомянутой кампании, чтобы посредством такого расположения каузально объяснить отклонение от идеального случая, которое могло быть обусловлено ложной информацией, заблуждением, логической ошибкой, личными качествами полководца или нестратегическими факторами. Таким образом и здесь (латентно) используется идеально-типическая конструкция»**⁷³.

Как видим, здесь, как и во всех других случаях, идеальный тип выполняет свою главную эвристическую функцию, можно сказать то предназначение, ради которого он создан, а именно – быть своего рода образцом, эталоном, стандартом, относительно которого измеряются и оцениваются те явления, которые избраны социологом в качестве предмета своего исследования; тем самым анализ становится внутренне компаративным, он не требует обязательного обращения (для соизмерения) к другим кросс-культурным данным, а главное – расширяется ком-

⁷² Арон Р. Цит. раб. С. 158.

⁷³ Вебер М. Избранные произведения. С. 624.

бинационное поле воображения и работа приобретает столь необходимое в науке качество оригинальности, новизны. Здесь же Вебер подчеркивает: «В социологическом исследовании, объектом которого является конкретная реальность, необходимо постоянно иметь в виду ее отклонения от теоретической конструкции; установить степень и характер такого отклонения – непосредственная задача социологии»⁷⁴. Идеальный тип, в отличие от оценивающих суждений, индифферентен, он не имеет ничего общего с каким-либо видом перфекционизма, кроме чисто логического совершенства. «Есть, – пишет Вебер, – идеальные типы борделей и идеальные типы религий, а что касается первых, то могут быть идеальные типы таких, которые с точки зрения современной полицейской этики технически «целесообразны», и таких, которые прямо противоположны этому»⁷⁵.

Говоря об образовании идеальных типов, Вебер специально предостерегает против понимания этого процесса как «просто забавы» или «чистой игры мыслей». «Существует лишь один критерий: в какой мере это будет способствовать познанию конкретных явлений культуры в их взаимосвязи, в их причинной обусловленности и **значении**. Тем самым в образовании абстрактных идеальных типов следует видеть не цель, а **средство**»⁷⁶. Действительно, он много сил потратил на то, чтобы выработать строго научное понятие «западный капитализм». Еще в «Протестантской этике...» выделялись такие признаки, как: а) рациональная организация производства и всех сфер жизни (рационализм – судьба западного мира); б) труд на крупных предприятиях; в) отделение работы от домашнего очага; позже он называл и другие признаки: получение прибыли, дисциплинирование и т. д. Но вот его заявка на создание идеального типа капиталистической культуры, а значит, и отличие ее от других как исторических, так и современных культур, по-видимому, так и осталась пожеланием. Не случайно следующее замечание Р. Арона: «Говорят, что его справедливо упрекали (в частности, фон Шелтинг) в том, что все понятия наук о культуре под его пером превратились в идеальные типы»⁷⁷. Безусловно, это не так: там, где существует общий род и определенные термины могут быть подведены под него логически правильно и осмысленно, там создание идеального типа излишне. Многие социологические понятия удовлетворительно определяются по родо-видовым признакам: миграция – перемещение в пространстве со сменой места жительства, занятость – наличие рабочего места, капитал человеческий – совокупность сущностных сил человека и т. д. Но есть понятия, такие как игра, здоровье, совесть, активность, сфера, реальность, виртуальность и др., которые таким путем образовать трудно, что, собственно, и побудило Вебера к созданию своей концепции идеального типа.

Этот способ, названный Вебером формообразованием понятий, трудно даже назвать определением, хотя он соответствует одному из требований данной процедуры: он, действительно, устанавливает пределы (опредЕлитель – с ударением как в польском языке) и отграничивает термины друг от друга. Но это мысленная конструкция, созданная исследователем путем отбора, усиления и перекомбинации тех признаков изучаемого явления, которые он находит существенными, возможными и логически осмысленными.

5. Социологическая интерпретация воображения

Социологи, как и все другие ученые, художники, вообще творческие люди, с большим воодушевлением отзываются о воображении, видя в нем, как правило, действительный, творческий («божественный») дар. Так, английский философ Давид Юм (1711–1776), завершая

⁷⁴ Там же. С. 624.

⁷⁵ Вебер М. Избранные произведения. С. 399.

⁷⁶ Там же. С. 392.

⁷⁷ Арон Р. Цит. раб. С. 158.

свой «Трактат о человеческой природе», в котором, кстати, немало и социологического материала, писал: «От начала и до конца всей этой книги налицо весьма значительные претензии на новые открытия в философии; но если что и может дать автору право на славное имя **изобретателя**, так это то, что он применяет принцип ассоциации идей, который пронизывает почти всю его философию. Наше воображение обладает громадной властью над нашими идеями. И нет таких идей, которые отличались бы друг от друга, но которые нельзя было бы разъединять, соединять и комбинировать в любых вариантах»⁷⁸. В этом высказывании прекрасна мысль о работе воображения с идеями, особенно возможность их комбинирования, благодаря чему и появляется новое знание. Что же касается преувеличенной роли ассоциаций, то еще Гегель, имея в виду Локка и Юма, заметил: «Различные способы связывания представлений **очень неточно** были названы **законами** ассоциации идей»⁷⁹. Говоря об огромной роли воображения в построении восприятий, русский мыслитель И. И. Лапшин писал: «Истолкование природы какого-нибудь предмета предполагает соучастие воображения; нутро видимых вещей, внекругозорные представления (т. е. представления предметов, находящихся вне сферы непосредственного поля зрения), представление содержания чужой душевной жизни – все это осуществляется благодаря конструктивной работе воображения»⁸⁰. Заметим, что названные автором императивы конструктивного воображения в полной мере характерны и для социологии. Действительно, «нутро видимых вещей» само по себе не открывается наблюдателю-социологу. Еще К. Маркс подчеркивал: «Если бы форма проявления и сущность («нутро». – С. III) вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишняя»⁸¹. К тому же большинство социальных явлений (процессов) в их индивидуальной форме существования и протекания находятся вне поля непосредственного зрения, а значит, требуют оперирования представлениями о них в идеальном (мыслительном) плане. И, конечно, понять чужую душевную жизнь можно только через представления, рождаемые эмпатией, сопереживанием, партиципацией (сопричастностью).

В творческом процессе можно выделить две стороны: преднамеренную и непреднамеренную. Первая характеризуется наличием цели, например, защита диссертации; она требует в основном рациональных действий, с участием побудительных эмоций и ценностных ориентаций, а также конвергенции психологических способностей, усвоенных знаний и когнитивных навыков, волевых усилий и т. д. в направлении достижения цели. Вторая сторона представляет собой свободную игру ассоциаций, произвольную комбинацию представлений, пробование, фантазирование. Такая неупорядоченность оперирования представлениями вызывает непонимание, особенно в научной работе, где, как считают, важнее всего следовать определенной логической схеме. С подобными ограничениями трудно согласиться, хотя разумная мера полезна. Так, Г. Спенсер в своей «Автобиографии» писал: «Наклонность строить воздушные замки, надо полагать, считается вредной, однако я отнюдь не уверен в этом. В умеренной степени она мне представляется благотворной. Ведь это **игра конструктивного воображения**, а без последнего нет завершения духовного развития. Я думаю, что во мне эта наклонность возникла из самопроизвольной активности духовных сил, которые в последующей жизни послужили средством к более высоким достижениям»⁸². В устах Спенсера эти слова особенно весомы. Из-за слабого здоровья он не посещал школу, занимаясь самообразованием, поэтому остался самоучкой, хотя еще при жизни, благодаря высокой эрудиции, смелости суждений, оригинальности мышления, был назван «английским Аристотелем». Спенсер – один из немно-

⁷⁸ Юм Д. Соч.: в 2 т., Т. 1. М., 1966. С. 809–810.

⁷⁹ Гегель Г. Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. С. 186.

⁸⁰ Лапшин И. И. Изобретательность в философии и философия изобретения. М., 1999. С. 103.

⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 25, ч. 2. С. 384.

⁸² Спенсер Г. Автобиография – Киев, 1906. С. 290. (Цитируется по Лапшину И. И., см. указ, раб. С. 93.)

гих ученых, кто в своей «Автобиографии», названной им полушутливо «естественной историей самого себя», дал серьезную и достаточно подробную характеристику своего творческого процесса. Так, он детально, шаг за шагом описывает процесс выработки системы эволюции – от зарождения идеи, ее расширения, включения общества, анализ факторов и механизмов социальной эволюции, влияние Ламарка, Бэра и других авторов, мотивационные импульсы, публикации и др., вплоть до рассуждений об ожидаемом будущем человечества. Этот рассказ весьма поучителен с точки зрения не поиска истинности или устарелых положений автора, а именно обучения социологическому воображению. Становится понятным, что Спенсер не случайно сказал, что без конструктивного воображения невозможно завершение духовного развития, а с ним и стремления к более высоким достижениям.

Вторым классиком социологии, оставившим интересные воспоминания о своем творческом пути, является Талкотт Парсонс (1902–1979). В отличие от самоучки Спенсера, Парсонс получил престижное образование, учился не только в США, но и в Англии и Германии, стал профессором знаменитого Гарварда. Видимо поэтому он не обращает внимания на те побочные влияния, которые fascинировали (возбуждали) воображение Спенсера, сосредоточившись на идейных истоках в своих поисках. В оригинале его публикация названа «От создания теории социальных систем к персональной истории», но предложенная русской редакцией «Интеллектуальная автобиография» стала более чем адекватной. Парсонс не употребляет термин «воображение», но фактически имеет в виду его интеллектуальный уровень. Первоначальный – диссертантский – замысел состоял, по его словам, в том, чтобы «извлечь социологию Маршалла из его ортодоксального или «неклассического» подхода и проанализировать способ ее (социологии) соединения с его строго экономической теорией»⁸³. Далее Парсонс скрупулезно вспоминает и перечисляет всех авторов, чьи идеи он использовал в своих разработках. «Книга «Структура социального действия», – отмечает Парсонс, – была представлена как исследование идей разных авторов о современном социоэкономическом порядке, капитализме, свободном предпринимательстве и т. д., и одновременно как анализ теоретической конструкции, на базе которой эти идеи и интерпретации формировались»⁸⁴. Среди этих авторов названы М. Вебер, Э. Дюркгейм, В. Парето, А. Маршалл; в другой работе Парсонс добавляет: «не упуская из вида и Маркса»⁸⁵. Парадокс в том, что исследование чужих идей, как бы оно не переоценивалось, не может выйти за границы историко-социологического экскурса, в то время как работа Парсонса приобрела несомненное теоретическое значение, несмотря на вызванные ею дискуссии и часто необоснованную критику. Почему и как это произошло? В автобиографии исчерпывающего ответа нет, в других работах Парсонс доказывает, «что это нечто гораздо большее, чем эклектическое собрание не связанных между собой теоретических идей»⁸⁶.

Не вдаваясь в содержание дискуссий, обвинений и оправданий (разъяснений) автора, отметим следующее. С точки зрения социологического воображения позиция Парсонса логична и продуктивна. Да, он использует идеи предшественников или коллег, но не в качестве готовых выводов, что было бы если не плагиатом, то компиляцией или эпигонством, а как материал (представлений) своего воображения, которое их обрабатывает – диссоциирует, комбинирует, прибавляет, синтезирует – так, чтобы выявить эмерджентные свойства и получить новое знание. Нет сомнения, что Парсонс немало сделал для реализации этих целей. Это касается и расширения понятийного аппарата за счет новых терминов, и выявления некоторых скрытых проблем (социального порядка, устойчивости общества, интернализации и др.), и обоснования новых аналитических подходов и т. д. С особым удовлетворением Парсонс гово-

⁸³ Парсонс Т. Интеллектуальная автобиография // Социологический журнал. 1995, № 2. С. 75.

⁸⁴ Там же. С. 76.

⁸⁵ Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 21.

⁸⁶ Там же. С. 22.

рит о схеме «переменных образцов ценностной ориентации». Он подчеркивает: «Моя книга «Социальная система», помимо упорядочения ею общепринятой социологической мудрости, держалась на двух идеях, которые можно считать оригинальными. Первая нацеливала на прояснение отношений между социальными системами, с одной стороны, и психологической (или личностной) и культурной системами – с другой. Второй особенностью книги было обдуманно систематическое использование схемы переменных образцов в качестве главного теоретического каркаса для анализа социальных систем»⁸⁷.

Оригинальность этих идей, авторство и значимость для социологической науки, кажется, никто не отрицает.

Отметим еще один малоизвестный факт биографии Парсонса. Он рассказывает, как «начал проходить официальный курс психоаналитического обучения». Психоаналитиком он не стал, да и заниматься врачебной практикой никогда не намеревался, тем не менее, сделал вывод в форме инверсии представлений воображения. «Этот опыт, – пишет он, – помог мне «отучиться» от чрезмерного увлечения психоаналитическим уровнем рассмотрения человеческих проблем и, следовательно, стал своеобразным коррективом к воздействию первоначального чтения Фрейда и ранних этапов моего изучения медицинской практики»⁸⁸. Этот пример показателен в плане как отбора идей, так и их адекватного оценивания.

Заслуживает внимания и то, что Парсонс в работе «Роль идей в социальном действии» выделил наряду с экзистенциальными и нормативными идеями также идеи воображаемые (imaginative), т. е. имажинативные. «Их содержание, – по его мнению, – относится к сущностям, которые не мыслятся существующими и актер не чувствует обязанности их осуществлять»⁸⁹. В качестве примеров называются утопии или совершенно фантастические ситуации в романе. Вопрос о позитивной роли таких идей влечет за собой новые проблемы, выходящие за рамки работы. «Этот тип идей упомянут здесь лишь для завершения классификации»⁹⁰. Судя по этим словам, он не пытался эксплицировать продуктивное воображение, поэтому и свой творческий процесс он характеризует достаточно опосредованно.

К сожалению, мы вынуждены опустить многих из тех, кто достоин рассмотрения в рамках заданной проблематики социологического воображения, – Э. Дюркгейма с его коллективными представлениями, В. Дильтея с его пониманием другого как сопереживанием, К. Маркса с его мысленным конструированием виртуального объекта в идеальной форме и др. Каждый социолог так или иначе – продуманно или стихийно – стремится развивать свое воображение. Однако рефлексивного анализа этого процесса не так уж много.

В этом плане нельзя не отметить известную работу Ч. Р. Миллса «Социологическое воображение» (1959). Не только потому, что это первый заметный труд с интригующим, по тем временам, названием, и не потому, что он критически относился не только к социологическому истеблишменту, но и к другим его видам, и т. д. Книга эта, по справедливому замечанию Г. С. Батыгина, «остаётся одной из классических работ по социологии»⁹¹; вопреки критике, многие «воображения» Миллса стали подлинной реальностью и, несмотря на прошедшие годы, ряд проблем сохраняют свою актуальность.

Применительно к данной теме можно отметить, что Миллс, также как Спенсер и Парсонс, ведет рассказ о своих творческих поисках, но не в форме мемуаров, а как рефлексии над своей самой известной работой «Властвующая элита», с выходом на рекомендации молодым авторам. Подход Миллса к социологическому воображению нельзя отнести к вполне стандартным.

⁸⁷ Парсонс Т. Интеллектуальная автобиография. С. 94–95.

⁸⁸ Парсонс Т. Интеллектуальная автобиография. С. 89.

⁸⁹ Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 539.

⁹⁰ Там же. С. 539.

⁹¹ Батыгин Г. С. Предисловие к книге Ч. Р. Миллса «Социологическое воображение». М., 2001. С. 7.

Так, он не пытается определить, дать понимание исследуемого феномена, или найти аналогии в истории, привлечь знание из смежных наук, той же психологии. Вместо этого следует заявление: «Я намерен утверждать, что общественность – журналисты, артисты, ученые – начинают возлагать надежды на то, что можно назвать социологическим воображением»⁹². Здесь есть недосказанность, метафоричность, которую автор не захотел или не смог преодолеть.

Оригинальность Миллса состоит в том, что для него социологическое воображение не только как *sine qua non* (необходимое условие) призвания и профессии социолога, но и базовый элемент культуры, способствующий успешному развитию общества. Именно поэтому он подчеркивает: «Посредством социологического воображения человек сегодня надеется понять, что происходит в мире и что происходит с ним самим – в точке пересечения биографии и истории общества»⁹³. Это глубокая гуманистическая мысль, но пока эта задача столь же трудно осуществима, как и во времена Миллса. К сожалению, нельзя не признать оправданными те скептические прозрения в этой области, которые высказывал в свое время автор. «Думаю, – писал он, – что социологическое воображение становится главным знаменателем нашей культурной жизни и ее отличительным признаком. Однако отдельные индивиды и широкая общественность в сфере культуры овладевают им медленно и часто на ощупь; многие обществоведы лишены его напрочь. Они как будто не подозревают, что без его развития и использования не удастся выполнить возложенную на них общекультурную миссию, возможность реализации которой коренится в классических традициях общественно-научных дисциплин»⁹⁴.

И сегодня актуальнейшей проблемой остается формирование социологического воображения как профессионалов, так и населения. В связи с этим обратимся к работе П. Штомпки «Формирование социологического воображения. Значение теории». Сама постановка проблемы (темы анализа) в высшей степени обязывающая, но вместе с тем и не однозначная. Автор имеет в виду воображение студентов-социологов в период университетского обучения. Он отмечает: «В большой мере обучение социологическому воображению – синоним обучению социологической теории»⁹⁵. Исходя из этой посылки, значительную часть своей статьи он посвятил анализу теории. Однако опыт показывает, что далеко не все «медалисты», отличники по курсу теории, проявляют в дальнейшем высокую проницательность и изобретательность, т. е. демонстрируют превосходство в социологическом воображении на деле. Поэтому многие преподаватели считают, что развивать воображение необходимо или с помощью специальных методик, о чем говорилось выше, или такой перестройкой учебных курсов, чтобы акцентировалось внимание не на их запоминании, а на способности студента комбинировать, синтезировать, предлагать собственные, пусть и не самые лучшие, решения. Ведь слова Эйнштейна о том, что «фантазия выше знаний» – это не фраза, а обобщение трудного опыта научного поиска и находок. Думается, Штомпка против такого подхода не стал бы возражать.

Автор приводит следующее определение: «Социологическое воображение – это способность связывать все, что случается в обществе, со **структурным, культурным и историческим контекстом**, с индивидуальными и коллективными **действиями членов социума**, при понимании вытекающих отсюда **разнообразия** и различий социальных форм»⁹⁶.

Возможно, такое понимание будет пригодным для «Большой социологической теории» или для исторической науки в понимании Тойнби, но вряд ли практикующий социолог, в своем конкретном исследовании фрагмента социальной реальности, сможет и захочет связывать «все, что происходит в обществе» с определенным контекстом, объяснять это через дей-

⁹² Миллс Ч. Р. Цит. раб. С. 9.

⁹³ Там же. С. 12.

⁹⁴ Там же. С. 19.

⁹⁵ Штомпка 77. Формирование социологического воображения. Значение теории // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 65.

⁹⁶ Штомпка 77. Формирование социологического воображения. Значение теории. С. 65.

ствия, выделять разнообразия и различия форм. Все это полезно для формационных, цивилизационных, постэкономических и других глобализационных теорий, но они суть предметы других наук – социальной философии, политологии, политической экономики и т. д. Социологическое воображение как оперирование чувственными и интеллектуальными представлениями отличает: 1) правильно организованная память, в том числе и на теоретические знания; 2) широта комбинационного поля; 3) дисциплинированная фантазия, т. е. способность придумывать неожиданные сочетания представлений; 4) подвижность элементов в комбинационном поле воображения; 5) стремление придумывать новое – изобретать, перекомбинировать, творить.

Большое сомнение вызывает заимствованная у Мертонса идея «дисциплинированного эклектизма». Штомпка утверждает: «Это следует внушать студентам-социологам..., как свободу от одностороннего догматизма»⁹⁷. Но давно известно, что эклектизм (в любых обортках) не лучше догматизма. А чтобы научить студентов, образно говоря, нанизывать разрозненные куски на один шампур, требуется не воображение, а усидчивость, ибо воображение перекомбинирует все это в некоторую целостность.

Для того чтобы показать, как пробуждать воображение, воспользуемся имажинативным (придуманным) примером П. Бергера (в нашем изложении). На некоем острове живет племя. Всего у них вдоволь, нет только одного продукта (может быть, соли или воды), за которым они два раза в год отправляют экспедиции через бурный, кишасший акулами пролив, где риск погибнуть весьма велик. В племени существует религиозное верование, что каждый, кто окажется в такой поездке, теряет мужскую силу, кроме жрецов, чье мужество доказано их ежедневными жертвоприношениями богам. Бергер говорит: «Здесь мы имеем дело с идеологией жрецов, но ведь в конце концов, кто-то же должен плыть через океан, иначе племя умрет с голоду»⁹⁸. А если отказаться от этого верования, прогнать жрецов или заставить их участвовать в экспедициях – какие будут следствия? Или лучше заняться совершенствованием плавсредств, изобретением оружия против акул, поиском продукта в недрах и т. д. Какое решение предпочтительнее и почему – об этом можно «пофантазировать» социологу.

⁹⁷ Там же. С. 71.

⁹⁸ Бергер П. Общество в человеке // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 174.

1.2. Опровержение социального «слева» и «справа»

Несмотря на то, что термин «социальное», как и соразмерные ему термины «политическое», «экономическое», «идеологическое», «культурное», прочно вошел не только в общественные науки, но и в повседневный язык, в словарь и практику государствоведения, не прекращаются попытки отвергнуть, доказать его несостоятельность, даже пагубность. Из истории общественной науки известно, что в интерпретации социального, в оценке его эвристики и конституирующей силы с XIX века существуют две крайние позиции. Суть первой позиции в возвышении (иногда чрезмерном) социального перед различными концепциями индивидуализма, робинзонад, а также антисоциальными проявлениями в сфере как психологии, так и общественной практики; категорическое неприятие социобиологических попыток переноса дарвиновских идей борьбы за существование и естественного отбора на человеческое сообщество; признание социабельного начала (инстинктов, мотивов и т. и.), свойственного природе человека и реализующегося в отношениях солидарности, сотрудничества, взаимопомощи; вера во врожденные чувства справедливости, эмпатии, аффилиации и др. Насколько остро воспринимались эти проблемы в личном и теоретическом планах, можно судить по высказываниям двух известных мыслителей. В. Г. Белинский писал: «Социальность, социальность – или смерть! Вот девиз мой»⁹⁹. П. Т. де Шарден, анализируя процессы гоминизации человека и социализации человечества, отмечал «рвение и бессилие эгоистического решения жизни». «Эгоизм, индивидуальный или расовый, прав, когда вдохновляется образом человека, который поднимается вверх в соответствии с принципами жизни, развивая до предела собственное, уникальное и непередаваемое содержание, значит, он чувствует верно. Единственная ошибка, которая с самого начала уводит его с правильного пути, состоит в смешивании *индивидуальности и личности*. Стремясь как можно больше отделиться от других элементов, он индивидуализируется, но, индивидуализируясь, он падает опять и стремится увлечь мир назад, к множеству, к материи. В действительности он уменьшается и теряется. Чтобы быть полностью самим собой, нам надо идти в обратном направлении – в направлении конвергенции со всем остальным, к другому. Вершина нас самих, венец нашей оригинальности – не наша индивидуальность, а наша личность, а эту последнюю мы можем найти лишь объединяясь между собой. Нет духа без синтеза. Настоящее Его возрастает обратно пропорционально “эготизму”»¹⁰⁰.

Вторая позиция – это нигилистические высказывания по поводу «социального» (социальности), которые допускали такие философы, как Шопенгауэр, Ницше, Ортега-и-Гассет и др. Критически оценивали данное понятие и классики марксизма-ленинизма.

В современной литературе особого внимания заслуживает позиция известного экономиста, лауреата Нобелевской премии, Ф. А. Хайека. Учитывая широкую распространенность работы «Пагубная самонадеянность», в которой изложена точка зрения автора по этой проблеме, а также методологический подход автора, рассмотрим ее более детально. По мнению Ф. Хайека, «прилагательное «социальное» стало самым бестолковым выражением во всей нашей моральной и политической лексике»¹⁰¹. В доказательство выдвинутого положения автор приводит список из более чем 160 существительных, определяемых прилагательным «социальное». Среди них есть даже «фашизм», хотя трудно представить, чтобы кто-то употреблял название «социальный фашизм». Однако если бы провести такую же процедуру с прилагательными «экономический», «культурный», или даже «государственный», то число существительных, с которыми согласуются эти прилагательные, было бы в каждом случае гораздо больше, – не зна-

⁹⁹ Белинский В. Г. Письмо к В. П. Боткину от 8 сентября 1841 года // Поли. собр. соч. в 13 т. Т. 12. М., 1958. С. 69.

¹⁰⁰ Шарден де 77. Т. Феномен человека. М., 1987. С. 207–208.

¹⁰¹ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. М., 1993. С. 197.

чит ли это, что от данных терминов следует отказаться. По-видимому, дело не в числе возможных сочетаний, а в категориальном статусе новых образований. Иначе говоря, вопрос в том, получаем ли мы новые понятия, добавляя слово социальный, например, к таким существительным, как структура, связь, наука, философия и другие, и если да, то каково содержание понятий «социальная структура», «социальная связь» и иных в отличие от просто структуры, связи и др. Понимая это, Ф. Хайек замечает: «Трудно сказать, не потому ли слово «социальный» стало бесполезным в качестве средства коммуникаций, что получило так много различных значений»¹⁰². Безусловно, вывод о «бесполезности» не правомерен, ибо суть и назначение прилагательных не в том, чтобы разделять предметы, а в том, чтобы их классифицировать и тем самым объединять. Так, существительных, употребляемых со словом «белый», множество – мел, снег, сахар, флаг, человек, пароход и т. д. Но значение у них одно, если не считать переносных, – типа «белая зависть», все это предметы с признаком белизны, как бы ни различались они во всем остальном. То же относится, например, к прилагательному «государственный», его смысл в указании на принадлежность к государству, его органам и службам, на способность выражать государственный интерес и пр. Почему же из этой логической схемы следует исключить социальное? Хайек называет три причины.

Во-первых, то, что «оно позволяет исподтишка внушать извращенное представление, будто бы то, что на самом деле было порождено безличными и спонтанными процессами расширенного порядка, является результатом осознанной созидательной деятельности человека»¹⁰³. Нетрудно заметить, что здесь речь идет о древней философской проблеме соотношения стихийности и сознательности. Но как ни важна и интересна эта тема, прямого отношения к социальному она не имеет. И стихийное, и сознательное может быть или не быть социальным, а также асоциальным или даже антисоциальным, – критерии различения этих предикатов человеческих отношений, деятельности, поступков лежат в иной плоскости.

Во-вторых, «следствием такого его употребления становится призыв к людям перепроектировать то, чего они вообще никогда не могли спроектировать»¹⁰⁴. Поскольку это одно из важнейших методологических положений автора, остановимся на нем подробнее. Что значит «призыв перепроектировать то, что люди не могли спроектировать»? Если бы речь шла об устройстве мироздания, о природных или климатических условиях, можно было бы принять данный тезис. Люди действительно эти условия не создавали и попытки изменить их вряд ли оправданы, хотя, с другой стороны, неизбежны как стихийное антропогенное воздействие на среду обитания, так и стремление людей предвидеть возможные природные катаклизмы – землетрясения, наводнения и др., и даже управлять климатом. Что же касается общественных институтов, форм общежития, политического устройства, хозяйственных укладов, то их генезис, природа, подвластность человеку – предмет бесконечных споров, нерешенных до сих пор.

Ф. Хайек – сторонник одной из парадигм, которую он сам называет «эволюционной эпистемологией». «Суть ее в том, – подчеркивает автор, – что наши ценности и институты не просто определяются какими-то прошлыми событиями (так считают все сторонники детерминистского подхода¹⁰⁵. – С. III), но формируются как составная часть процесса бессознательной самоорганизации некоей структуры или модели»¹⁰⁶. «Бессознательная самоорганизация» – это еще одно наименование той парадигмы, согласно которой все ценности и общественные инсти-

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. С. 200.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Детерминисты, действительно, считают, что прошлые события влияют, то есть в той или иной мере определяют настоящее и будущее. Однако определять – не значит предопределять. Учение о предопределении является преддетерминистским, и оно, как показал М. Вебер, ведет или к фатализму (в Исламе), или же в предестинационной форме – к аскезе и методизму (в Протестантизме).

¹⁰⁶ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. С. 20.

туты – такие, например, как рынок, деньги, государство и т. и., как и соответствующие категории, представляют собой естественный продукт культурной эволюции и возникают сами собой как «порядок из хаоса» по законам синергетики и теории систем. Не вдаваясь в эту весьма сложную проблему, отметим, что факт анонимности важнейших общественных институтов, равно как и основополагающих технических устройств – колес, рычагов и др., вовсе не означает их появление «самих собой», без участия человека. Отсутствие персонального авторства не означает отсутствие авторства вообще. Лишь в переносном смысле можно сказать, например, о деньгах, что они «возникли». В действительности деньги созданы людьми и в их так называемое «саморазвитие» (формы, функции, операции и пр.) ежечасно и сегодня вкладывается огромная человеческая энергия. Точнее было бы сказать, что самонадеянность или, по социологической терминологии, волюнтаризм, проявляется не в том, что люди пытаются усовершенствовать не только орудия труда, но и формы своей жизни – институты, отношения, ценности, нормы, а в том, что в таких порывах не всегда учитываются природа и внутренние закономерности общественных явлений и процессов. Так возникает стремление ускорить развитие, пропустить некоторые этапы и т. и. Волюнтаризм ведет к упрощению и вульгаризации сложных общественных категорий и, как следствие, к ошибкам. Нет смысла повторять, что волюнтаризм, как гипертрофия субъективного, волевого начала, давно опровергнут теоретически, несмотря на глубокие исторические корни и философские обоснования (Фихте, Ницше, в России – Ткачев, Лавров и др.). То, что он кое-кому и в наши дни психологически близок, ничего не доказывает. Но, с другой стороны, если лица, уполномоченные принимать решения, то есть те, кто представляет институциональную элиту общества, не выполняют эту миссию, например, потому, что полагаются на «бессознательную самоорганизацию» структур и моделей общества, то результаты бывают не менее катастрофическими, чем при волюнтаризме. Тема «пагубной нерешительности» имеет, пожалуй, не меньше исторических примеров, чем «пагубной самонадеянности».

В данном случае важно подчеркнуть, что социальные преобразования – это в принципе процесс управляемых изменений. «Социальный порядок, – по утверждению английских социологов, – это созидаемый, а не просто изначально данный порядок»¹⁰⁷. Приглядимся к двум важнейшим событиям в истории Нового времени – ликвидации рабства в США и отмене крепостного права в России. Никто не усомнится, что это именно социальные преобразования, как и в том, что они – плод сознательного действия, соответствующих законодательных решений, хотя, конечно, предпосылки данных актов формировались в определенной мере и стихийно. Эти примеры показывают, что предположение, будто термин «социальное» означает «призыв перепроектировать то, что люди никогда не могли спроектировать», содержит имплицитно новые вопросы.

Во-первых, о том, кто, если не сами люди, создал существующие общественные отношения, институты, ценности, нормы и т. д.? Ссылки на эволюцию, как и на популярную в XIX веке идею прогресса, возможно объясняют механизмы отбора тех или иных образцов, но не их сотворения. В другом месте сам автор отмечает, что историков «ввели в глубокое заблуждение памятники и документы, оставленные носителями политической власти, в то время как истинные строители расширенного порядка, по существу, создавшие богатства, без которого не было бы этих памятников, оставили не столь зримые и претенциозные свидетельства своих достижений»¹⁰⁸. Именно поэтому многое в этой области (генезиса общественных институтов и ценностей) не имеет авторства. Например, Клизфена считают отцом афинской демократии, но демократия по самой своей сути невозможна без широкой социальной базы, в этом ее отличие от тирании или даже олигархии. Значит, людям того времени была понятна и близка идея демо-

¹⁰⁷ Новые направления в социологической теории. М., 1978. С. 308.

¹⁰⁸ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. С. 60–61.

кратии, и, скорее всего, Клисфен просто стал выразителем этих взглядов и настроений. Деньги появились, когда людей перестал удовлетворять бартер, а кто их первый изготовил – не имеет значения. Государство и право, разделение труда и кооперация, собственность и наследство – все эти институты появились в ответ на определенные общественные потребности. Конечно, если проектирование понимать в техническом смысле слова, с чертежами, расчетами и прочим, то подобных социальных проектов не было и быть не может. Первые из известных в истории проектов общественного устройства Протагора, Платона, Аристотеля не более чем философские эскизы о целесообразности, по мнению авторов, определенных изменений существующего строя. Таким же является и проект А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию».

Во-вторых, почему люди не должны перепроектировать то, что их не устраивает, или создавать нечто новое, отвечающее появившимся потребностям. Сегодня, когда во всем мире, особенно в развитых странах, ежегодно разрабатываются и реализуются сотни социальных проектов, программ, технологий, такой вопрос вряд ли уместен. Другое дело, что остро дискуссионными остаются проблемы методологии социального проектирования – цели, способы, средства, мотивы и др. Думается, если бы автор прямо сказал, что понятие «социальное» опасно тем, что несет с собой революционный мотив, с ним можно было бы согласиться. Но «революционность» обусловлена исторически и в общем-то является деформацией строго научного статуса термина, своего рода ответом на неспособность, некомпетентность, корыстность и т. и. «верхов». Даже если совсем запретить слово «революция», в жизни от этого ничего не изменится. Научные термины и создаются для того, чтобы более точно охарактеризовать происходящие явления и процессы, а значит, и выбирать адекватные способы реагирования на то, что является для общества неприемлемым, опасным, деструктивным, а именно такими выступают нерешенные социальные проблемы, обладающие способностью кумуляции общественного напряжения, формирования зон повышенной конфликтности вплоть до революционной ситуации. «Принимаясь за работу над книгой, отмечает автор, я дал себе зарок никогда не употреблять слов «общество» (society) или «социальный» (social)»¹⁰⁹. Научная традиция предполагает введение новых терминов взамен устаревших или неадекватных, в противном случае какая-то часть объективного мира оказывается не обозначенной, не определенной, что несовместимо с самим существованием науки как общественного института.

И, наконец, третья причина, по которой следовало бы отказаться от термина «социальное», состоит, по Хайеку, в том, что «это слово приобрело способность выхолащивать смысл тех существительных, к которым оно прилагается»¹¹⁰. Обращает на себя внимание излишняя категоричность суждения, основанная на неоправданной генерализации: всегда и везде слово «социальное» выхолащивает смысл существительных. Такой вывод можно было бы сделать, проанализировав хотя бы те термины, которые названы в книге. В контексте научного анализа логически оправданным и полезным было бы указать, где и почему допускается некорректное употребление данного термина. Но все три примера, приведенные автором, а именно «социальная рыночная экономика», «социальное правовое государство» и «социальная справедливость», доказывают не основной тезис о «выхолащивании», а скорее необходимость дальнейшей разработки понятийного аппарата. Так, ссылаясь на личную беседу с Людвигом Эрхардом, Ф. Хайек указывает, что последний заявил: «Рыночную экономику незачем превращать в социальную, поскольку она и так социальна уже по своей природе»¹¹¹. Но, во-первых, ссылка на устное высказывание явно слабый аргумент, Л. Эрхард мог просто уйти от спора, зная ортодоксальную позицию автора по данному вопросу; во-вторых, предполагается, как единственно возможное, расширительное толкование социального как синонима общественного. В этом

¹⁰⁹ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. С. 189.

¹¹⁰ Там же. С. 200.

¹¹¹ Там же. С. 201.

смысле и утверждается, что всякая экономика социальна, так как существует в обществе. В такой интерпретации, конечно, все, что относится к обществу, подходит под данную категорию. К социальному можно отнести не только фашизм (не на луне же он существовал), но даже и тех гусей, которые спасли Рим, а также, что более опасно, все девиации, аномалии, преступления, антиобщественные проявления. Все это свидетельства неадекватного, в данном случае расширительного, употребления терминов.

Стоит, однако, задуматься, почему именно в послевоенной Германии утвердилась такая терминология и соответствующий тип экономики. Причина этого в том, что во всех слоях общества в то время было резкое неприятие прежнего режима и стремление дистанцироваться от его проявлений. Экономика Третьего Рейха была милитаризованной, этатистской, жестко контролируемой, в том числе и тайной полицией, ориентированной с конца 30-х годов на колониальные ресурсы, сырье и дешевую рабочую силу невольников. Нужна была альтернатива, но, по-видимому, в тех условиях не подходили известные модели – либеральная, социалистическая и др. Новое название должно было не только отрицать милитаризм, этатизм и шовинизм времен гитлеризма, но и создавать перспективу. Чтобы возродиться, страна нуждалась в гражданском мире, в объединении нации, в принципиально иных трудовых отношениях, в ясной и справедливой оплате труда, в поддержке малоимущих, тех, кто не по своей воле оказался в затруднительном материальном положении. Все это и вобрало в себя понятие «социальная экономика», как новый тип экономических отношений и форм хозяйствования.

Интересно, что Ф. Хайек, посвятивший специальную главу научной лексике, названную «Наш отравленный язык», не обратил внимания на давно известный факт, когда язык буквально сопротивляется неправильному сочетанию слов, фальши. Попробуйте соединить прилагательное «социальное» с экономикой рабовладельческого общества, или азиатским способом производства, или «производством ради производства», или первоначальным накоплением капитала, – ничего не получится. Лексически правильная форма превращается в содержательную бессмыслицу типа «жареный лед». Можно сказать, что «язык не поворачивается» назвать рабство, крепостничество, обман, эксплуатацию социальными явлениями, хотя все это, конечно, существовало или существует в обществе. То же относится и к понятию «государство». Язык противится употребить слово «социальное» при характеристике государств, в которых подавляются права человека, угнетается большинство народа (тирания, деспотия), как и те, где подвергаются дискриминации, сегрегации, репрессиям и т. и. те или иные категории населения. Для предварительной классификации полезно хотя бы отказаться от нелепого тезиса «Всякое государство социально», – он противен здравому смыслу и моральному чувству человека, – и не зачислять в категорию социальных государств те, которые отягощены отмеченными аномалиями.

В истории социогуманитарных наук центральным является вопрос о генезисе (происхождении) человека и общества. С точки зрения методологического индивидуализма вначале должны были появиться люди современного типа *Homo Sapiens*, которые тем или иным способом – сознательно или стихийно – создали или организовались в общество. Данная номиналистическая парадигма вводит ряд допущений, таких, например, как: а) общество – это совокупность индивидов; б) нет людей – нет общества; в) надындивидуальные образования – только абстракции, не имеющие системных свойств целого; г) социальные изменения есть сумма изменений индивидуальных¹¹². Не вдаваясь в обсуждение этих аргументов, заметим, что при этом даже не поставлен вопрос о возможности происхождения и существования человека вне общества. О популярной в свое время робинзонаде сегодня никто не вспоминает.

Ответ на этот вопрос предложил известный российский философ и этнограф Ю. И. Семенов. В интервью Ю. М. Резнику он отметил: «Я, вероятно, впервые в науке, показал, что ста-

¹¹² См.: Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М., 1999. С. 30.

новление человека (антропогенез) нельзя понять, не рассмотрев становление общества (социогенез), что они представляют не два самостоятельных, хоть и тесно связанных процесса, а две стороны одного единого процесса – антропосоциогенеза... Как мне удалось установить, суть социогенеза состояла в становлении социальных (прежде всего коммуналистических экономических) отношений, ранее на Земле никогда не существовавших, и обуздании ими зоологических инстинктов: пищевого и полового. Вначале был подавлен и введен в социальные рамки первый, а значительно позднее и второй. Половой инстинкт был окончательно поставлен под социальный контроль с появлением экзогамии, рода и группового дуально-родового брака... Вместе с родом возник и *Homo Sapiens*»¹¹³.

Таким образом, в этом процессе – антропосоциогенеза – социальные факторы, такие как альтруизм, общение, партиципация (соучастие) и другие, сыграли большое значение. Можно согласиться с В. А. Шкуратовым, который пишет: «Главной социальной инновацией нижнего палеолита была экзогамия – исключение из брачных отношений ближайших родственников... Родство по определенной линии становится ведущим конституирующим принципом социальности в позднем палеолите. Запрет инцеста (кровосмешения) требовал общественной регуляции брака, появились род и семья»¹¹⁴. Вопрос о первичности этих социальных образований (рода или семьи) является дискуссионным. Многие, в том числе классики марксизма, первичным считали род, полагая, что для образования семьи необходима частная собственность на землю, скот, орудия труда. Позже появились некоторые этнологические данные, усилилось давление сторонников методологического индивидуализма с обоснованием «вечности» частной собственности и т. и., и на первое место по происхождению стали ставить семью. Понятно, что дилемма – семьи объединились в род или род распался на семьи с появлением частной собственности – не имеет принципиального значения, возможно в разных местах эти процессы шли по-разному.

Из истории известно, что термин «социальное» впервые использовался в качестве политического, революционного лозунга «Да здравствует социальная республика!» в период февральской революции 1848 г. во Франции. Это был далеко не пустой клич, – предполагалось, что социальная республика осуществит следующие требования: всеобщее избирательное право, суд присяжных, гражданский мир, право на труд и организацию союзов, создание Министерства труда и организацию национальных мастерских, т. е. рабочие места для незанятых рабочих и др. Понятно, что необходимо было новое слово, чтобы не просто противопоставить республику империи, но и выразить ожидания трудящихся относительно нового типа республики, принципиально отличающейся от рабовладельческих республик Древней Греции и Древнего Рима или феодальных республик Италии и других стран.

Характерно, что К. Маркс и Ф. Энгельс, анализируя впоследствии события гражданской войны во Франции, весьма скептически отнеслись к данному лозунгу. По словам Маркса, «**Социальная республика** явилась как фраза, как пророчество на пороге Февральской революции»¹¹⁵. «Фраза», «пророчество» потому, что в социальной республике отсутствовали те признаки, без которых, как считал Маркс, невозможны радикальные преобразования общества, прежде всего диктатура пролетариата, экспроприация экспроприаторов, обобществление средств производства и др. Ф. Энгельс писал: «Луи Филипп исчез, вместе с ним исчезла и избирательная реформа, а взамен ее возникла республика, и такая республика, которую победившие рабочие объявили даже «социальной». Что надо было разуть под этой социальной республикой – никому не было ясно, даже и самим рабочим»¹¹⁶. Однако требования револю-

¹¹³ Резник Ю. М. Профессиональное кредо. Интервью с профессором Ю. И. Семеновым // Личность. Культура. Общество. 2004. Т. IV. Вып. 4. С. 329–330.

¹¹⁴ Шкуратов В. А. Историческая психология. М., 1997. С. 179.

¹¹⁵ Маркс К. Избр. произв.: в 2 т. Т. 2. М, 1935. С. 321.

¹¹⁶ Там же. С. 353.

ционного народа были достаточно конкретными, что говорит и о понимании ими цели борьбы, и более того, о чувстве реализма в тех конкретных условиях. Можно, пожалуй, утверждать, что с теоретической точки зрения социальная республика была в определенной мере обоснована. Правда, это было обоснование с социал-демократических позиций, что явилось источником расхождения с классиками марксизма. Не случайно, сам Маркс констатировал: «Социальные требования пролетариата были лишены своего революционного жала и получили демократическую окраску, а демократические требования мелкой буржуазии (т. е. крестьянства. – С. III) лишились прежней чисто политической формы и получили социалистическую окраску. Так возникла – социал-демократия»¹¹⁷.

Как видим, классики марксизма-ленинизма не принимали социальную республику ни в качестве цели общественного переустройства, ни как новое слово в революционной теории. По их оценкам, этот лозунг не выходит за горизонты буржуазных идеалов, и он в лучшем случае временно терпим, а в перспективе вреден. Это была критика социальной республики, и вместе с тем и самого термина «социальное» слева, за то, что французские рабочие в середине 50-х годов XIX в. не готовы были немедленно «штурмовать небо», отдавая предпочтение социал-демократическим идеям постепенного, шаг за шагом реформирования общества и государства. Парижская коммуна решилась на такой штурм, отбросила лозунги социальности, заменив их требованиями прямого захвата власти и разрешения классового конфликта силовым путем.

История XX века, опыт Социалистической революции в России и других странах со всей очевидностью показали, что такой путь не решает автоматически социальных проблем, что «проклятый социальный вопрос», как его называли народники, а также классики литературы XIX в., не поддается разрешению, минуя реформирование (реформы Ленин считал только «побочным продуктом революции»), не используя демократические процедуры смены власти, гласности, контроля и др. Известный тезис «Обострение классовой борьбы», а фактически ее пропаганды и провоцирования, по сути дела, антисоциален, ибо разрушает целостность изнутри, даже если при этом укрепляются внешние границы и обороноспособность государства. Человечество пошло по пути создания социальных государств, фундаментом которых является не классовая борьба, а Гражданский мир, согласие, согласованность, консенсус.

Что касается категории «социальная справедливость», то ее опровержение Хайек ведет по нескольким направлениям, так что в результате фактически устраняются оба термина – не только «социальное», но и «справедливость» «Вся идея распределительной справедливости – каждый индивид должен получать соответственно своему нравственному достоинству, – утверждает автор, – при расширенном порядке человеческого сотрудничества (или каталлаксии) бессмысленна»¹¹⁸. Обратим внимание, что во всех формулировках распределительной справедливости – от Аристотеля до наших дней – на первом месте указывается: по вкладу, по заслугам, по результатам личного труда. Нравственные качества, проявляющиеся в отношении к труду, дисциплине, рачительности, являются дополнительными, и учитываются лишь в той мере, в какой *они* способствуют результату.

Таким образом, и в либеральном, и в марксистском подходе к интерпретации категории «социальное» вполне отчетливо прослеживается идейное основание, питающее и сегодня дискуссии по этой проблеме. Что касается отрицания социального постмодернизмом, то его психологические мотивы не раскрываются авторами, а логические аргументы неубедительны. Так, Ж. Бодрийяр в одном из интервью заявлял: «Я очень быстро отошел от социологии институтов, права, общественных структур, от всех тех подходов, которые зиждутся на понятии какой-то воображаемой социальности, трансцендентной настоящей социальности. Моим предметом является скорее общество, теряющее трансцендентность, где исчезает социальность и само

¹¹⁷ Там же. С. 275.

¹¹⁸ Маркс К. Избр. произв.: в 2 т. Т. 2. С. 203.

понятие социальности»¹¹⁹. В строго научном смысле, общество без социальности – это оксюморон типа «жареный лед», но как метафора, выражающая тенденции к разрыву социальных связей, «одиночному образу жизни», разрушению солидарности и аффилиации, атомизации – она уместна, если, конечно, отражает не фантазии, а реальное состояние конкретного социума.

В другой работе Бодрийяр пишет: «Социология в состоянии лишь описывать экспансию социального и его перипетии. Она существует лишь благодаря позитивному и безоговорочному допущению социального. Устранение, имплозия социального от нее ускользает»¹²⁰. Но, во-первых, существует огромная литература по проблематике разрушения социального – разрыва связей, в том числе и родственных, десоциализации, одиночества, добровольного или вынужденного изоляционизма, «хиппизма», девиаций, различных форм перверсий, аномии и т. д. Во-вторых, устранение социального равносильно устранению кислорода из воздуха, – после этого уже нечего будет описывать. Представляется оправданным то, что главной заботой современного общества является предотвращение дезинтеграции на всех уровнях социальной системы – от семьи и коллектива до страны-государства и человечества в целом.

Как заметила Н. Л. Полякова, «в 80-е годы перед социологией со всей очевидностью встала проблема конструирования синтетической картины социальной реальности, проблема выявления природы социального»¹²¹. Не менее остро стоит данная проблема и перед социальной психологией. П. Н. Шихирев пишет: «Этимологический анализ термина «социальное» и производных от него, выполненный на материале различных языков, в том числе пиктографических, неизменно выявляет два главных атрибутивных качества социального, означающего: 1) взаимозависимость людей в процессе совместного созидания чего-либо и 2) позитивное (кооперативное) отношение к партнеру»¹²². Это важные атрибуты социального, но для социологического анализа их недостаточно, например, они не позволяют объяснить суть таких явлений, как социальная защита, социальное государство, социальная справедливость и др. Категория «социальное» отражает единство и многообразие социального мира, и поэтому, с одной стороны, сохраняет свою первооснову (единство), а с другой – с помощью дополнительных предикатов специфицируется, характеризуя именно ту предметную область, которая задается составным понятием (социальная роль, социальная защита и т. д.). Рассмотрим основные значения понятия «социальное», как они употребляются в социологической науке.

¹¹⁹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 14.

¹²⁰ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального – Екатеринбург, 2000. С. 8–9.

¹²¹ Полякова Н. Л. Предисловие к кн. «Современная Западная социология. Классические традиции и поиск новой парадигмы». М., 1990. С. 4.

¹²² Шихирев П. Н. Современная социальная психология в западной Европе. М., 1985. С. 55; См. так же: Брушлинский А. В., Шихирев П. Н. О пользе вечных истин. Предисловие к кн. С. Московичи «Машина, творящая богов». М., 1998. С. 10.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.